

Иван Иванович Лажечников

Вся беда от стыда

Вся беда от стыда. *Драма в пяти актах.* (1858)

Лажечников И. И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 6. М.: Можайск — Терра, 1994.

Текст печатается по изданию: Лажечников И. И. Полное собрание сочинений. С.-Петербург — Москва, товарищество М. О. Вольф, 1913

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	0004
АКТ I	0006
АКТ II	0067
АКТ III	0099
АКТ IV	0118
АКТ V	0139

Иван Иванович Лажечников
Вся беда от стыда
Драма в пяти актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Софья Андреевна Виталина, богатая помещица.

Наталья Ивановна Гориславская, воспитанница ее.

Петр Сергеевич Леандров, помещик.

Сергей Петрович Леандров, сын его, отставной офицер.

Владимир Николаевич Ипполитов, приятель его.

Саша Полетаев, племянник Леандрова, 16 лет.

Флегонт Парфеныч Мухоморов, купец 2-й гильдии и частный адвокат, бывший отпущенник Виталиной.

Павел Флегонтыч, сын его.

Марья Семеновна Медовицына, компаньонка Гориславской (фантастически одета).

Гусынин, откупщик.

Гусынина, жена его.

Соломон {В оригинале Саломон (Ред.)}, еврей.

Рахиль, Ревекка } малолетние дочери его.

Полицейский чиновник.

Гости у Виталиной, на даче.

Гости у Гусынина, на вечере.

Банников, отставной приказный.

Сокова, мещанка.

Слуги Виталиной, Леандрова и Гусынина.

Крестьянские девушки.

Действие в подмосковной даче и в Москве.

АКТ I

Сцена представляет английский сад; вправо беседка; перед нею садовые скамейки и несколько стульев; влево площадка под деревнею липою, обставленная кругом скамейками; от нее, между кустами и деревьями, вьются в разных направлениях дорожки; впереди решетка садовая, примыкающая к богатому господскому дому; за нею видны луга, по которым извивается река, и село на высоте. Подле беседки, на ветвях деревьев, висят две епанчи, бумажный венец и шлем.

Явление I

Сергей Петрович и Ипполитов.

Сергей Петрович. Нет, мука неизвестности сделалась для меня невыносима. Нынешний день судьба моя должна решиться: я передал ее отцу и другу.

Ипполитов. Просто, братец, мы попали на остров Калипсин. Какие субретки — что твоя богиня! Сам Ментор твой — и, как ведаешь, переодетая Минерва в образе смертного — едва не потерял рассудок; спасло только санти-

ментальное путевое впечатление розовыми перстами. *(Показывает на щеку.)* От нимфы перескочил я опрометью к какой-то дуэнье и от нее узнал многое для тебя интересное. Слушай же. Во-первых, Натали, хоть и называет Виталину «таман», не дочь ее.

Сергей Петрович. Допотопная новость! В первый день знакомства с их домом я узнал это.

Ипполитов. Я хотел сказать, Гориславская не дочка ее... даже... и по другой линии.

Сергей Петрович. О! и в этом не сомневаюсь.

Ипполитов. Жаль, братец, очень жаль! Знаешь, этак интереснее... громче... романтически... кабы она была дочь какой-нибудь графини и знаменитого музыканта... пожалуй, импровизатора... Родилась, например, на Сергиевских водах или в Баден-Бадене... А теперь... не взыщи—ведомо да будет тебе: она — истая дочь какого-то чиновника 14 класса. Каково будет твоему геральдическому коню сделать этот скачок?

Сергей Петрович. Беда какая! Я дам ей свое имя; мой герб будет ее гербом. Она обра-

зована как нельзя лучше, и не пристыдит меня в обществе. Ты знаешь меня: мне нужна добрая, избранная сердцем подруга; отцу моему нужно все, что только мне хочется, а пересуды людские я и в грош не ставлю. Не мне охота жертвовать им своим счастьем.

Ипполитов. Надо, однако ж, сказать в пользу Гориславской *нечто*, что составляет ныне *все*. Виталина дает за своей воспитанницей два каменных дома в Москве, несколько десятков тысяч деньгами и пятьсот степных душ, чистых, как стекло, то есть незаложенных и не припадающих к господскому магазину. Боже, какая благодать! С таким приданым и дочь цаловальника завидная невеста.

Сергей Петрович. Торговые виды всегда были от меня далеки, тем более нынче. Впрочем, хоть состояние моего отца независимо в полном значении этого слова, не худо на черный день и запас. Может быть, у Натали есть бедные родственники...

Ипполитов. Отец и мать ее померли. Но готовься к посещению денежной родни... поверь, братец, нашествие горше двадцати язык! Вообрази, потянутся к тебе вереницею

приказные старого закала — с клюковными носами, с запахом винной бочки и луку. Кто бросится тебе руку целовать, кто бултых в ноги, крестить позовет, кто поздравит тебя с своим днем ангела; один окопироваться, другой опохмелиться попросит.

Сергей Петрович. Вот уже два месяца, как я бываю здесь почти каждый день и в разное время дня, а не столкнулся еще ни с кем из этой несчастной братии. Если ж и явится к нам какой-нибудь родственник — ласки и помощь очистят и эту статью.

Ипполитов. Итак, все эти препятствия разбились мы в пух, как армию лилипутов. Теперь готовься к самому ужасному нашествию. Встает перед тобою исполин-соперник — Абдель-Кадер Шамиль, с ужасною кривою саблею над головой твоей.

Сергей Петрович. Что еще, зловещий ворон?

Ипполитов. Позволь спросить наперед: ты ее очень, очень любишь?

Сергей Петрович. Просто сойду с ума, если она не будет моею. Расстаться с этой любовью все равно, что погубить душу свою.

Иполитов. А ты... имеешь доказатель-
ства, что она тебя... так же любит?

Сергей Петрович. Так же?.. это много! Бы-
ли однако ж случаи... конечно, безделицы...
минуты... но за них не взял бы я сокровищ
всего мира. Чтоб они повторились, готов от-
дать несколько лет жизни. Да, я уверен был
до того, что просил отца сделать предложение.

Иполитов. Был?..

Сергей Петрович. Потому, что твой вопрос
бросил какое-то сомнение в мою душу. Разве
ты... проведал, что у меня соперник? Говори,
ради Бога, скорей говори: где он, что он такое?

Иполитов. Сейчас познакомлю тебя с
ним. *(Слышен хор.)* Слышишь? идет шарада, а
ты забыл, что представляешь в ней Ахилла.
Жаль, что мне, папеньке Агамемнону, при-
шлось вести дочку свою на жертву богам. *(На-
кидывает на плечи епанчу и надевает на голо-
ву бумажный венец).*

Сергей Петрович. Какая мука! играть в
шарады, когда решается судьба моей жизни!
(Надевает свой шарадный костюм.)

Явление II

Те же, Гориславская, Павел Флегонтыч, Медовицына, Саша Полетаев и гости обоего пола.

Некоторые из гостей садятся на скамейки и стулья подле беседки или становятся около них; другие разыгрывают перед ними шараду «Агамемнон» следующим образом. С левой стороны сцены молодой человек представляет Агу (начальника евнухов); перед ними стоят, преклонясь и скрестив руки, несколько девушек в восточном костюме; с правой стороны другой молодой человек представляет статую Мемнона; Полетаев, в виде Феба, ударяет его по голове золотым жезлом, и статуя издает тихие, гармонические звуки. Затем из-за деревьев показывается процессия: Павел Флегонтыч (жрец Калхас) ведет мимо гостей-зрителей Гориславскую (Ифигению) к жертвеннику, поставленному в беседке; Медовицына (Клитемнестра) сопровождает ее. Несколько молодых людей и девиц представляют народ. Все они одеты согласно сюжету шарады, разумеется, как импровизируется это в подобных случаях.

Павел Флегонтыч (*тихо Гориславской*). Жалкая роль Калхаса доставила мне, однако ж, удовольствие быть ближе к вам. Но... вы грустны, рассеяны... не хотите даже отвечать мне. Какую ужасную перемену нашел я в вас!

Гориславская. Разве не видите, что я выполняю роль свою?.. меня ведут на жертву... (*поравнявшись с Сергеем Петровичем.*) Доблестный Ахилл забыл об нас.

Сергей Петрович. Клянусь богами, никогда не занимался он так сильно судьбою Ифигении, как теперь!

Гориславская (*грустно*). А все-таки она должна погибнуть!

Процессия идет к алтарю; Ифигения, подойдя к нему, падает на колени; Ахилл хочет остановить жертвоприношение, но Агамемнон подает знак рукою, и Калхас опускает нож над Ифигениею — шарада кончена; молодые люди затевают другие игры: то показываются на сцене, то скрываются, в продолжение 2, 3, 4 и 6 явлений.

Ипполитов. Странно, а мне чудится, что это история в лицах!

Павел Флегонтыч (*Полетаеву*). Как глупо перемешаны роли! По моим правам, мне следовало бы быть Ахиллом, и тогда бы я посмотрел, кто отнял бы у меня невесту!..

Полетаев. Видно, вам выпал ныне жребий держать нож над своей жертвой.

Сергей Петрович (*Ипполитову*). Где ж соперник, о котором ты говорил?

Ипполитов. Видел ты, рядом с Ифигенией шел жрец — молодой человек, статный, высокий ростом, очень любезничал с ней; говорит теперь с Сашей.

Сергей Петрович. С рыжею козлиной бородкой, будто опаленною?..

Ипполитов. Впрочем, если б не козлиная бородка, очень приятной наружности.

Сергей Петрович. Приятной? не скажу. В серых глазах его что-то зверское, в лице что-то отталкивающее. Я с первой минуты почувствовал к нему отвращение. Что ж это за таинственное великое лицо?

Ипполитов. Monsieur Мухоморов.

Сергей Петрович. Ха, ха, ха! Так это твой

Абдель-Кадер?

Ипполитов. Ты засмеялся таким ужасным смехом — наверно отдалось в душе этого господина. Посмотри, как он на тебя взглянул, будто съесть хочет.

Сергей Петрович. Подавится на первом куске! Мухоморов?.. Да из-за одной паскудной фамилии порядочная женщина за него не пойдет. Соперник неопасный!

Ипполитов. Более, нежели думаешь. Я не пророк, а могу предсказать, что в истории твоей жизни он играет важную роль. Он только вчера приехал из Петербурга, а нынче... — заметил ли? — и Натали и Виталина с тобою, если не холоднее, так осторожнее.

Сергей Петрович. Правда, обращение ее со мною принужденнее.

Ипполитов. Увидишь еще не то. Это цветы, а ягодки впереди. Мухомор явился предъявить права свои на ее руку.

Сергей Петрович. Права? какие же может иметь он, кроме любви ее?

К концу этого разговора Медовицына подзывает к себе Полетаева и просит его о чем-

то; по движениям Полетаева видно, что он отговаривается, наконец он взял от нее какую-то бумажку; Медовицына стала на колени в молитвенном положении за кустами, так что группе молодых людей нельзя ее видеть.

Полетаев (подбежав к Сергею Петровичу и отозвав его в сторону, тихо). Cousin, я к тебе посланником от особы, которая тебя страстно любит (подает ему бумажку).

Сергей Петрович (в сторону). Не может быть!.. Это на нее вовсе не похоже!.. Я уверен, что не от нее. (Ипполитову.) Прочти, братец, эту записку — и вслух.

Ипполитов. Вслух!.. Вот примерная конфиденциальная переписка! (Читает.) «Ангел ли ты, сошедший на землю, чтобы взять меня на небо и погрузить все мое существование в море райских наслаждений, или демон-искуситель...» Бр-р! так и несет риторикой.

Сергей Петрович. Сумасбродная Медовицына! узнаю тебя. Скажи своей даме, усердный паж, что здесь нет ни ангела, ни демона, и потому записка, вероятно, ошибкой к нам

адресована.

Ипполитов. И от меня порученьице (*шепнул ему на ухо*).

Полетаев. О! что до этого, так я подслушаю, о чем жужжит муха. Будьте покойны, товарищ моих рыцарских подвигов!.. (*Убегает.*)

Сергей Петрович. Мало соперника: судьба навязала мне еще на шею эту приторную, туманную деву. Лет восемь назад я жил возле их пансиона, где она была чем-то вроде классной дамы... шалил и волочился... послал *billet doux*[1]... как водится, последовала великая жертва — глупый поцелуй; пошла страстная переписка на манер нынешнего послания. Наконец, я радехонек был, ускакав из Москвы, что развязался с этой Офелией! Теперь, на беду мою, нахожу ее в доме Виталиной чем-то вроде компаньонки или приживалки, и, как вижу, снова начались гонения.

Ипполитов. Вовремя, когда ей стукнуло 30, вздумала преследовать тебя своей страстью, а перезрелая дева в страсти — это бешеный конь, которому ни почем барьеры и овраги и всякие сальто-мортале.

*О, горе нам! о, горе нам!
О, страшная для нас невзгода!*

Однако ж не выдержу... мы с Сашей больны одною болезнию. *(Оставляет Сергея Петровича, прокрадывается за кусты и подслушивает разговор Полетаева с Медовицьиной.)*

Сергей Петрович. Да куда же ты, негодяй? *(Ипполитов махает ему рукой.)* Вот каковы друзья!.. Под сорок, а повесничает, как мальчик!

Медовицьяна *(восторженно)*. Я видела все... я думала, небо на меня упадет, земля подо мною раскроется... Злодей! Воспользоваться моею неопытностью... завлечь меня в сети!.. Но и слабые женщины умеют мстить.

Полетаев *(принимая трагическую позу)*. Я на Кавказе рождена.

Ипполитов *(возвращаясь со смехом)*. Ха, ха, ха. Новые враги! Да это чудо, братец; разыгрывается ужасная драма. Застой в жизни не годится.

Сергей Петрович. Охота тебе шутить, когда погибает тот, кого называешь другом. Ну, что ж твой Мухоморов?

Ипполитов. Просто приехал получить ру-

ку, которая ему обещана сто лет назад, и только дожидается чина коллежского асессора, чтобы...

Сергей Петрович. Что ж наконец?

Ипполитов. Разумеется, наконец свадьба. Теперь разрубь этот гордиев узел, новый Александр!

Сергей Петрович. Не бывать, клянусь честью, не бывать!.. Во что бы то ни стало, мне надо сейчас переговорить с нею: ради Бога, займи как-нибудь Мухоморова.

Ипполитов (*возвращаясь с Сергеем Петровичем к группе молодых людей*). Мы с Сашей займемся этим и его порядком побесим. Все наше общество что-то не влюбило его за чванство — весь на ходулях! Только и разговоров, что о знатных связях, только и слов: «У нас в Петербурге; мы у такой-то графини, у такого-то князя в Петербурге; мне прислали сигар прямо из Гаванны, выписываю мебель от Гамбса...»

Сергей Петрович (*подходя к Гориславской, тихо ей*). Два слова наедине — в них судьба моя.

Павел Флегонтыч (*предлагает руку Гори-*

славской). Вашу руку...

Гориславская (после минутной нерешительности, взяв под руку Сергея Петровича, Павлу Флегонтычу). Извините, Сергей Петрович прежде предложил.

Павел Флегонтыч (отходя, Медовицной). Видно, здесь делают предложения мысленно.

Медовицына. И язык этот понимают очень хорошо. Но мой долг мешать их таинственным разговорам. O temps! o mœurs![2]

Слышны голоса: «Горелки! горелки!»

Один молодой человек (Гориславской). Предлагают горелки.

Гориславская. Очень хорошо; мы уже в паре.

Сергей Петрович (в сторону). Как нарочно согласились терзать меня!

В это время проходит подле ограды сада вереница крестьянских девушек; они поют.

*Не в поле, в поле пыль пылит,
А метелица метет,
За метелицей мой миленький
идет,
За собою ворона коня ведет,
А навстречу красна девица идет.*

Полетаев (*заигрывает с ними*).

Одна из девушек (*ударив его кулаком по спине*). Вот тебе, жиденок!

Гориславская (*в испуге*). Жиденок?.. Где?.. Кого-то бьют!

Сергей Петрович. Чего вы так испугались?.. Это просто, Сашу наказывают деревенские девушки за шалости. Вечно напроказничает.

Гориславская. Мне послышался удар... я не видала, думала какого-нибудь несчастного... Жиденок?.. зачем же они Сашу так назвали?

Сергей Петрович. Потому что это у них презренное, бранное слово!

Гориславская. У них?.. я думаю, у всех... Презренные существа! парии человечества! Не так ли?..

Сергей Петрович. Признаюсь вам, не чувствую симпатии к жидовской *расе*; но... по мне презрен, гадок человек сам по себе, за свои поступки, а не по роду своему. (*Удаляются, увидев, что большая часть молодых людей и девушек разошлась.*)

Павел Флегонтыч (*Медовщиной*). Я отга-

дываю: этот молодой человек тот самый... вы мне когда-то о нем рассказывали.

Медовицына (*закрывая лицо руками*). Не договаривайте...

Павел Флегонтыч. Понимаю, ваше дело — мое; пойдём за ними. Я не допущу, чтоб моя невеста переступила границы приличия.

Медовицына. Действовать заодно — вот вам рука моя! Будем преследовать их, как тень Банко Макбета. (*Ипполитов и Саша взявшись за руку, преграждают им дорогу.*)

Полетаев (*Медовицыной*). Вас просят отгадать шараду: мое первое — несносное насекомое; оно кусает, но неопасно; мое второе — бич людей, а мое все — поганое растение.

Медовицына. Мухомор — отвяжись от нас, змеенок!

Павел Флегонтыч. В нем яд, и очень опасный; не советую его раскусывать.

Ипполитов. Отравя, облитая медом — хоть умереть, да вкусить! (*Убегает с Полетаевым; по приходу их в кружок молодых людей, слышен хохот.*)

Павел Флегонтыч. Ступайте за нашими, а я останусь здесь; мне нужно покончить разом

все эти проделки.

Медовицына (*удаляясь, про себя*). О! сердце мое готово прикормить всех змей этого мира, чтоб напустить их на вероломных.

Явление III

Павел Флегонтыч (*один*). Тише, осторожнее, друг!.. Они хотят вывести меня из терпения: нет, не удастся! Я, как Атлас, снесу теперь гору оскорблений. Богатство и прекрасная девушка, в которую я сам без памяти влюблен, то и другое мне обещаны, то и другое почти мое — надо, чтоб они и оставались навсегда моими. Шашка моя стоит у королевы: стоит только ее схватить: зачем же мне бросаться на офицеров? Зачем же расстраивать всю игру, улаженную так искусно?

Боюсь только проделки. Нынче получат известие, что я произведен в коллежские асессоры... Петербургский друг смастерил это известие искусно. Страшно, однако ж, если заранее откроется мое самозванство. Шутить не будут! Волос встает дыбом от одного помышления... Впрочем, кто пойдет справляться?

Лишь бы сыграть свадьбу! Спускаюсь после в титулярные, а там и действительно производят. Опоздай немного, и моему бы счастьем конец.

Пускай Леандров славит свою минутную победу; завтра и будущность моя!.. Отец ручается головой, что Гориславская будет на днях его невесткой, как я его сын. Она давно обещана мне; Виталина так благородна, что не отступится от своего слова. Мало этого, говорит отец: у него есть свое заветное, волшебное словечко, которое приведет Натали к ногам моим, смиренную овечку. О! надо скорее исторгнуть у него этот талисман! (*Уходит.*)

Явление IV

Сергей Петрович и Гориславская.

Сергей Петрович (*осмотревшись*). Никого!.. Наконец мы одни... Теперь вы должны меня выслушать; я не могу далее откладывать; мучения неизвестности сделались для меня нестерпимы.

Гориславская. Пора и мне передать вам все, что давно лежало у меня на душе.

Сергей Петрович. Вы, конечно, не раз угадывали в глазах моих, в звуке моего голоса, во всех отношениях к вам более, нежели уважение, более, нежели преданность; но я не смел еще ни разу говорить вам о настоящих своих чувствах. Иногда мне самому казалось... мне, может быть, моему воображению представлялось, что вы заметили эти чувства, что они тронули, наконец, ваше сердце. Простите мне это обольщение. Теперь я должен услышать от вас, обманывался я или нет. Вините за эту дерзость одно мое отчаяние, одну мою любовь, глубокую, беспредельную, с которою слилась жизнь моя.

Гориславская. Вы видели, я сама искала случая быть с вами одной. Думала, во мне станет довольно сил сказать вам, что хотела сказать; но когда пришли эти минуты, я прошу Господа подкрепить меня... Чего вы от меня требуете?.. Одного слова?.. На что оно вам? Что вы и я с ним сделаем?.. Скажу вам более; не смею его выговорить, если бы и хотела... я не вольна в себе... я невеста другого, давно обручена с ним...

Сергей Петрович. Невеста этого ничтож-

ного Мухоморова? Конечно, не вы избрали его! Неужели Софья Андреевна, с ее умом, с ее прекрасною душою, могла принести вас в жертву этому несчастному фату? Разве не видит она, что ему нужно ваше приданое, а не вы сами?.. Торгаш, он рассчитывает на вас, как на товар; бросьте ему обручальное кольцо с горстью золота — пускай наслаждается любовью, его достойною.

Гориславская. Моя благодетельница, моя вторая мать дала свое честное слово; для него пожертвую даже своим счастьем.

Сергей Петрович. Слово, данное без ведома вашего сердца, когда вы не понимали жертвы, на которую вас готовили, может и должно быть расторгнуто. Упаду к ногам Софьи Андреевны; она тронется моею любовью, убеждениями, слезами старика-отца; она не захочет вашего несчастья... ручаюсь за нее... Мне нужно только ваше согласие.

Гориславская (в сторону). Что мне делать?.. Господи! умиლოსердись надо мной. Я скажу ему все, все!.. (Вслух.) Есть еще обстоятельство... сильнее воли матери моей, сильнее меня самой... есть преграда, которую по-

ложил сам Господь при рождении моем и которую никто уже не в силах уничтожить.

Сергей Петрович. Я знаю все...

Гориславская (*радостно*). Вы?.. знаете?..

Сергей Петрович. Ваш батюшка...

Гориславская. Отец мой...

Сергей Петрович. Я буду с вами откровенен: когда решается судьба нашей жизни, у нас не должно быть тайн. Неужели вас смущает, что вы дочь бедного... канцелярского чиновника? (*Слышен голос Медовицьиной: Натали! Натали! Где ты?..*) (*В сторону.*) Вечно эта сумасшедшая преследует нас.

Гориславская (*в сторону*). Нет, он ничего не знает. Слава Богу, позорное слово удержалось на губах моих.

Сергей Петрович. Да, я знаю это, отцу моему также известно; но любовь моя сильнее всех предрассудков.

Гориславская Это будет жертва с вашей стороны, а я жертвы не хочу. Вы сами, может быть, раскаетесь в ней когда-нибудь, и раскаяние будет — поздно!.. Зачем скрывать? в вас нашла я все, что могло бы сделать меня счастливою; сердце мое не раз обольщалось мечта-

ми этого счастья. Но есть обстоятельства... они не от сердца зависят. Прощайте... будьте только сами счастливы: верьте, это мое задушевное желание. *(Подает ему руку, закрыв глаза платком.)* Останемся друзьями, братом и сестрой — вот все права, которые имею я с этой поры на ваше сердце.

Сергей Петрович. Нет, не прощаюсь, ни за что в свете! С словами, которые услышал от вас, с этим залогом пойду против всех препятствий в мире, против вас самих. Эта рука будет моею, клянусь честью. *(Целует ее руку.)*

Гориславская. Не клянитесь... одно слово может разрушить эту клятву.

Медовицына *(показываясь из-за деревьев).* Прекрасно!.. Одни?.. с молодым человеком?.. он целует вашу руку?.. Вот какво без надзора!

Гориславская. Надзор ваш едва ли мог быть полезен девочке, а я теперь умею сама себя оберегать и в своих поступках отдаю отчет одной татап. *(Леандров и Виталина показываются из-за беседки; Сергей Петрович рукою подает знак отцу.)* Теперь просим с нами. *(Уходят и присоединяются к группе моло-*

дых людей.)

Явление V

Виталина и Леандров.

Леандров (*про себя*). Он подает мне условленный знак... а! понимаю. (*Садясь с Виталиной на скамейку подле беседки, вслух.*) О чем, бишь, мы говорили? Да, о сыне. В самом деле, славный и добрый малый! Живой портрет матери, которую я страстно любил! Знаете ли, ваша Наталья Ивановна мне ее живо напоминает. Одно и то же имя; звук голоса — словно слышу мою Наташу. Как она хороша, моя голубушка!

Виталина. Вы, конечно, полюбили бы ее, если бы знали ее душевные качества.

Леандров. Эх! степное сердце не выдержит... не любит гнета... Скажу вам напрямик, почтенная Софья Андреевна, то-то была бы парочка!

Виталина. Кто?

Леандров. Ну, да вы столичные; все у вас, не взыщите, по-иностранному, как извилины этого английского сада, а у нас, по-старинно-

му, аллеи хоть и стриженные, да зато прямые... видишь с первого взгляда, что на конце делается. Мы с вами с лишком 20 лет приятели, с мужем вашим служил я вместе, были однокашниками и жили душа в душу, как ныне братья не живут. Еще повторю: славная парочка!

Виталина. Ваш Сергей Петрович и Наташа моя?

Леандров. Наконец!.. В нее-то влюблен он по уши и говорит, что не уедет из Москвы, пока не получит руки ее. Только не смел еще прямо открыться ей без моего ведома. Признаюсь вам, для развязки этого дела прискакал я вчера, как молодой курьер, за 500 верст. И сын, и я — у ног ваших.

Виталина. Лестно для нас предложение ваше... но... грустно, очень грустно мне сказать вам: их разделяет страшная, не то, чтобы страшная... сильная преграда. Ваш Сергей Петрович — сын богатого, столбового дворянина; у вас родные все из высокой аристократии...

Леандров. Мы не в депутатском собрании, матушка Софья Андреевна, не разбираем ро-

дословные книги, а разложили живую книгу души... послушаем лучше, что она скажет.

Виталина. Мы должны также слушать, что говорит рассудок. Молодых людей может ослеплять страсть; мы должны и за них смотреть далеко в будущее. Наташа, как вы знаете, моя воспитанница; правда, люблю ее, как дочь родную, и дала ей воспитание, какого лучше дочери не могла бы дать: оставляю ей хорошее состояние, но... не могу дать ей имени.

Леандров. Муж дает имя жене своей.

Виталина. Это правда; но бывают случаи в жизни... колкий намек в обществе... он может упасть глубоко в сердце вашего сына... кто поручится за последствия? Эти случаи горьки; они могут отравить семейное счастье, спокойствие целой жизни.

Леандров. Да что ж ваша воспитанница? Не дочь же она скотницы вашей!

Виталина. Конечно, нет... она дочь... ничтожного канцелярского чиновника и, как говорят в насмешку нынешние писатели, дочь благородных, но бедных родителей.

Леандров. Скалозубы!

Виталина. Насмешка — дело великое в свете; от нее затевались раздоры между людьми, которые не нам чета; вы сами лучше меня это знаете.

Леандров. Бросьте политику, она нейдет нам. Посмотрел бы я, что бы сказали эти высокие умы на моем месте, кабы у них был сын, в которого отец влюблен страстно, как я в своего. Да, да, смейтесь, влюблен страстно, до безумия. Знаете ли, для моего Сережи полезу в огонь, брошусь с крутого берега в реку, если он этого захочет; для каждой радости его готов отдать год жизни, и без того недолгой. Объявляю вам решительно, как свят Бог, если не отдадите нам волею Наталью Ивановну, мы возьмем ее у вас силой, мы похитим ее... подкупим ваших людей, отравим ваших собак, дадим вам сонных капель... и поминайте нас тогда лихом, сколько душе угодно.

Виталина. Извините, Петр Сергеевич, начинаю думать, что не у сына вашего, а у вас самих немного кружится голова.

Леандров. Думайте, что хотите, только согласитесь... дайте же мне вашу бесподобную ручку. Добрая, милая Софья Андреевна,

сжальтесь надо мною; не уморите меня, старика, вместе с сыном, преждевременною смертью... я стану перед вами на колена...

Виталина. Ради Бога, хоть этого не делайте: молодежь насмеется до упаду над нами. Выслушайте меня лучше.

Леандров. Слушаю, извольте; буду нем, как рыба.

Виталина. Есть еще одно важное препятствие.

Леандров. Опять препятствие: нет, воля ваша...

Явление VI

Полетаев (*прибег к беседке*). Скачет тройка из Москвы напропалую... над облаком пыли, в котором несется экипаж, развевается какой-то красный флаг.

Виталина (*побледнев*). Парфеныч!.. он подает радостный знак...

Леандров. От которого вы, однако ж, перепугались.

Виталина (*грустно*). Да, он решает судьбу Наташи.

Леандров. Мы сорвем этот значок и водрузим на место его свое знамя.

Явление VII

Виталина и Леандров.

Виталина. Слушайте же... время дорого. Когда четыре тому назад, здоровье мое было так плохо, что я думала умереть. Жаль было мне более всего Наташу: я оставляла ее непристроенною, как бы хотела. Дитя было такое прекрасное, умное, доброе, так меня любило! Хоть имение мое благоприобретенное, но Наташа не дворянка: оно не могло перейти в ее руки. Наличных я тогда не имела... В этом го-ре я обратилась к Парфенычу... Вы знаете его?..

Леандров. Помню, помню; был в числе дворни вашего мужа, управлял вашим имением и порядочно обирал вас.

Виталина. Какой, Парфеныч не ворует!.. Наш оказал много заслуг мужу по тяжёбным делам, за что и дана ему была отпускная. Он был некогда, по-тогдашнему, адвокат-самоучка — нынче счастливые времена для такого

рода адвокатов прошли — записался в купцы и женился на бедной дворянке.

Леандров. Вот почему вспомнил я давеча фамилию Мухоморова. Так это с сынком его познакомить меня изволили?

Виталина. Так точно; молодой человек очень образованный.

Леандров. Говорят: отец юрист! юрист?.. сбил меня с толку. Думал, не сын ли какого юрисконсульта или по крайней мере прокурора.

Виталина. Рассуждали мы с Парфенычем, как помочь горю, и присудили. Написала я заемные письма на имя его во сто тысяч с тем, чтоб он после моей смерти взыскал деньги с имения моего и отдал Наташе в приданое. С этим вместе Наташа обязана была выйти за его сына.

Леандров. Хитро придумано! *(В сторону.)* С моим сыном на одной доске сын Парфеныча... Уф! скреплюсь и полезу для него хоть в удавку.

Виталина. Молодой Мухоморов непротивной наружности, не глуп, получил сначала воспитание у меня в доме, потом в универси-

тете, вступил на службу с прекрасными надеждами: чего ж было лучше для моей воспитанницы! По рождению он не мог гнушаться происхождением своей невесты; это еще более укрепило меня в моем намерении. Я выздоровела... и напоминая о заемных письмах Парфенычу, получила их назад. Вы, конечно, оцените этот благородный поступок.

Леандров. Честно, если он и тут не хитрил насчет благородства вашей души.

Виталина. Впоследствии отложили мы свадьбу до того времени, когда Павел Флегонтыч получит чин коллежского асессора. Это даст ему возможность укрепить за собой деревни, которые отдаю в приданое Наташе. Отец ждал с часу на час рокового чина, с утра до ночи жил в почтамте. Вы слышали, он уже едет с вестию, для него приятною... это доказывает значок, который он выставил над экипажем... Жених приехал из Петербурга и предъявил свои права... Скажите теперь, что вы сделали бы на моем месте?

Леандров. Слово честное — великое дело. Но я знаю, исполнение этого слова убьет моего сына, или он убьет своего противника. Та-

ков я сам был в молодости. Нельзя ли, однако ж, найти средств, чтоб сами Мухоморовы отказались от своих прав?

Виталина. Не придумаю.

Леандров. Чувствует ли она склонность к молодому человеку?

Виталина. Павел Флегонтыч приезжал к нам каждый год в отпуск; я полагала, что он ей не противен, но...

Леандров. Но... доскажите, ради Бога...

Виталина. Признаюсь, с тех пор, как явился к нам ваш сын, я заметила в ней большую перемену, и это меня очень, очень огорчает. Не скажу вам ничего более, потому что ничего более не знаю.

Леандров (*немного подумав*). Знаете ли что? Парфенычу и его сыну нужны деньги: уговорим их взять деньги и отступить от невесты.

Виталина. Согласится ли на это Павел Флегонтыч, который влюблен не менее вашего сына?

Леандров. Дайте только слово не мешать молодым людям разобратся самим, то есть позволить Наталье Ивановне сделать выбор,

а за остальное я берусь.

Виталина. Препятствовать счастью ее? Боже меня сохрани! Для него пожертвовала бы я своим.

Перед концом разговора ставят стол на площадку и на него самовар и чайный прибор; Гориславская садится на стул, ближе к авансцене, и готовит чай; Медовицына, Сергей Петрович, Павел Флегонтыч и несколько девиц располагаются кто на садовых скамейках, кто на стульях. Слышны крики: «Коллежский асессор! ура, ура! коллежский асессор!»

Леандров. Проклятое известие! оно меня как варом обдало.

Виталина (в сторону). Не сулит ли оно всем нам несчастья?

Явление VIII

Ипполитов, Полетаев и другие молодые люди несут Мухоморова, у которого на голове венок, свитый из ветки цветущего кустарника; он махает шляпою.

Мухоморов. Делайте со мною теперь, что хотите! На мою голову, ребята! Приезжайте ко мне, я вам поставлю дюжину вдовушек клико.

Несколько голосов. Да здравствует новый коллежский асессор! новый дворянин. *(Молодые люди качают Мухоморова и опускают его потом на землю; все подходят, один за другим, к Павлу Флегонтычу, кроме Сергея Петровича.)*

Ишполитов. Поздравляем вас с коллежским асессором.

Полетаев. Поздравляем вас с дворянством. Ведь вы уж теперь наш брат-дворянин.

Прочие молодые люди. Честь имеем поздравить. Честь имеем поздравить. *(Павел Флегонтович, бледный и смущенный, принимает поздравления сухо.)*

Мухоморов *(бежит к сыну)*. Где, где он? Пустите меня к нему!.. Дайте мне прижать к ретивому моего майора! Он мой... моя кровь *(обнимает сына)*. Друг мой! наконец я дождался великого дня... ты дворянин!.. Мать твоя от радости долго лежала в обмороке...

Позволь тобою налюбоваться в знатном тво-
ем чине.

Павел Флегонтыч (с неудовольствием).
Какое счастье!.. Есть из чего поднимать такую
тревогу! (Срывая с отца венок, на ухо ему.) Вы,
кажется, не помните себя; хоть бы перед чу-
жими людьми не стыдили меня.

Мухоморов. Экой гордец! (Подходит к руке
Гориславской.) Поздравьте меня и себя, любез-
ная невестушка, Наталья Ивановна! Наконец
мы дождались вожделенного конца наших
фамильных ожиданий.

Гориславская (сухо). Наших?.. Поздравляю
вас.

Мухоморов (отходя от молодых людей,
про себя). Ге, ге! Видно, перевернулся лист,
как говаривал покойный барин. Хорошо еще,
что вовремя заметил.

Иполитов (Сергею Петровичу тихо, отве-
дя его в сторону). Вот знаменитый родитель
нашего Абдель-Кадера! Несчастливая, через ка-
кое чистилище должна пройти!

Сергей Петрович. Во что б ни стало, извле-
ку ее из этого омута.

Иполитов. У меня в голове вертятся

странные мысли... По моим расчетам что-то раненько роковой чин получить изволил герой нынешнего дня... Надо будет навесть справочки. У меня есть приятель, который служит в одном месте с этим господином. Напишу к нему завтра ж...

Мухоморов (*подходя к руке Виталиной*). Поздравьте меня, Софья Андреевна: Павлуша мой коллежский ассессор. Кто бы ожидал лет двадцать пять тому назад... Видно, под счастливой планидой родился. Сударыня, благодетельница моя... вам, вам и вашему покойному сожителю всем обязан... Из ничего, так сказать, из нуля, взошел на такую высокую благодать.

Виталина. Полно, Флегонт Парфеныч, стыдно так унижать себя. Сын твой заслужил свое новое достоинство воспитанием и службой. Умерь-ка лучше свой восторг, да поклонись другу моего покойного мужа. Ты от радости не узнал его.

Мухоморов. Виноват, растерялся. Батюшка, отец и милостивец, Петр Сергеевич, вас ли я вижу? Как нарочно изволили прибыть ко дню моего благополучия. (*Хочет подойти к*

Леандрову, чтобы поцеловать в плечо.)

Леандров. Писали из Петербурга, так я поспешил.

Павел Флегонтыч *(следовавший за отцом, удерживает его за платье и отводит в сторону).* Бросьте свои привычки; не то отступлюсь от вас, и сию минуту — в Петербург. Помните, я теперь такой же дворянин, как и они; поддержите меня, будьте с ними поровнее. Садитесь, да подберите цепочку от часов; болтается, как шлея. *(Возвращается к молодым людям.)*

Полетаев *(из-за куста, из-за которого подслушивал разговор Мухоморова с сыном, Ипполитову).* Ого, как дрессирует сынок отца!

Мухоморов *(надев шляпу набекрень и положив руку в карман, садится на стул против Виталиной и Леандрова и с гордостью охорашивается).* Гм, гм! *(В сторону.)* Не доразумеваю, с чего бы начать!.. *(Вслух.)* Вообразите, Софья Андреевна, моя супружница изволила заказать ландо, да приказала мне купить четверку серых в яблоках... такая мода, говорит, у знатных людей — серые в яблоках... Посажу на козлы кучера, чтоб было два аршина

в плечах, с черною, как смоль, бороною, поставлю двух молодцов на запятки, в галунах, да прокатимся с невестушкой под вербами. Деликатес!

Леандров. Надо герб на ландо; какой же выберешь?

Мухоморов. Выберешь?.. Гм!.. Уж конечно, герб! А!.. подумаем, подумаем... что-нибудь позолотистей! Всего лучше, солнце!.. Лучи чтоб горели, инда глазам было б больно! *(Леандров вынимает табакерку из кармана.)* Позвольте вашего табачку?..

Леандров *(подав ему табаку, высыпает его потом на пол из табакерки).* Всего лучше венник! Предание старинных лет!

Мухоморов. Славный табачок-с. *(Чихает.)* Кажется, амур парфет! Верно из Петербурга от Вели-Белостока... будут нынче сюда... *(Чашка выпадает из рук Гориславской.)*

Сергей Петрович *(отталкивая Мухоморова и бросаясь к Гориславской).* Что с вами?.. не обожглись ли?

Гориславская *(в величайшем смущении).* Нет... ничего... маленькая неловкость... *(Все, кроме Мухоморова и сына его, суетятся око-*

ло нее.)

Мухоморов (сыну, тихо). Видишь, почуяла талисманец! Каков отец твой! отмстил разом за тебя, братец! (Скрывается в саду.)

Виталина (примечавшая за движениями Мухоморова, бежит к Гориславской). Что такое случилось?

Иполитов (навстречу Виталиной). Мухоморов-старик шепнул что-то ей на ухо... верно, насчет будущей свадьбы своего сынка... Она выронила чашку из рук... Посмотрите, как сынок торжествует. Прогоните их, они убьют ее.

Виталина. Презренные!.. (Гориславской.) Что с тобою, душа моя?

Гориславская (целует ее руку, плачет). Ничего... право, ничего...

Виталина (Леандрову тихо). День этот полон таких великих неожиданностей... таких сильных ощущений... это расстроило ее... она и без того была нездорова.

Леандров (тихо). Может быть, вы желали бы остаться одни? Да и нам надо отдохнуть от разных разностей этого дня: в сердце и голове совершенная путаница... Видите послед-

ствия... спасите ее от явной гибели... *(Громко.)* Сережа, Наталья Ивановна не так здорова; наше общество может тяготить ее. Прощайся и марш до дому. *(Гости прощаются и, один за другим, расходятся.)*

Сергей Петрович *(Виталиной тихо)*. От вас зависит прекратить наши общие страдания.

Виталина *(дружески протягивая ему руку)*. Завтра переезжаем в Москву; вы для нас всегда самый приятнейший гость.

Леандров *(взяв Гориславскую за руку)*. Господь да сохранит вас вперед от дурного глаза и речей не по сердцу! Надеемся скоро увидеть вас и здоровей, и веселей. Подай мне руку, Сережа; уж и мне силы стали изменять. *(Одной рукой держит он руку Гориславской; под другую поддерживают его сын.)* С такими милыми спутниками куда б как отрадно добрести до могилы! *(Целует Гориславскую в лоб.)* Прощай, мое прекрасное дитя. *(Раскланивается с Виталиной и удаляется, поддерживаемый сыном.)* Слова, да одни слова, толку не будет; надо дело делать. Мы покончим разом эти проделки; мы увезем ее, братец!

Явление IX

Виталина, Гориславская и Павел Флегонтыч.

Виталина (сухо). Что вам угодно?

Павел Флегонтыч. Позвольте... несколько слов.

Виталина. Теперь ни одного. Довольно и тех, что сказал отец ваш! Я заметила, они привели вас в восторг; очень жаль!

Павел Флегонтыч. Верьте Богу, я ничего не слыхал, ничего не знаю... как же могли...

Виталина. Я вам верю, но прошу оставить теперь нас с нею одних; я сама скоро позову вас с отцом вашим. (*Павел Флегонтыч уходит.*)

Явление X

Виталина и Гориславская. Садятся на скамейку возле беседки.

Гориславская (бросаясь к Виталиной на грудь). Друг мой, душно!.. очень душно!.. Позволь поплакать на груди твоей... мне будет

легче...

Виталина. Что ж тебя, мой ангел, так встревожило? Какое зло, адское слово сказал тебе Парфеныч?

Гориславская. Он сказал мне самые обыкновенные, самые простые слова. Другую на моем месте эти слова порадовали бы; но, видно, у меня злое сердце, злая натура... гордая не по породе!.. Он напомнил мне о моем отце, о моих сестрах... сказал, что они нынче будут сюда... Дочь должна бы радоваться этому, а я... чуждаюсь того, кто дал мне жизнь, чуждаюсь кровных потому только, что судьба поставила их на низкой ступени общества, а меня, не знаю почему, назло моему рождению, так возвысила пред ними — хоть по наружности!.. Даже имя отца для меня страшно... Я боюсь, чтоб кто-нибудь не намекнул о нем, чтоб он сам не явился ко мне, не назвал бы меня прежним именем Эсфири, чтоб бедные сестры не приласкались ко мне... Еврей!.. дочери еврея!.. слова позорные!.. Но я разве не *такая* же?

Виталина. Конечно, уж не *такая*!.. Ты должна бы давно забыть свое рождение... Ко-

гда отец позволил тебе принять христианскую веру, он отступился от тебя, он обязался не признавать тебя своей дочерью. Все родственные связи твои были тогда ж разрушены; воспитание, общество, религия положили еще большую преграду между им и тобою.

Гориславская. Он отступился, но я должна ли была, могла ли это сделать?.. Когда вы приняли меня к себе в дом, мне было уже двенадцать лет, кровные связи уж глубоко пустили корни в моем сердце; я знала своего отца, испытала его ласки, его любовь, я сама привыкла любить его.

Виталина. Я думала, что моя любовь заменила тебе всех, кого ты могла любить прежде, что я для тебя— и мать, и семейство твоё, и весь твой мир, пока... пока не придет человек, для кого и сам Господь велит оставить отца и мать. Ты видела, что я для тебя не щадила ни забот, ни спокойствия, что для тебя расточила сердце свое...

Гориславская. Родная, бесценная моя!

Виталина. Говорю это не в упрек тебе; все это делала я не из расчетов, не из тщеславия, а так, просто, не знаю почему, может быть и

потому, что имела потребность любить кого-либо, и — полюбила тебя, как дочь свою, как никого не любила в мире, кроме мужа. А теперь?.. Нет, нет, и теперь не верю, чтоб ты могла мне предпочесть его... твоего бывшего отца! Если бы ты это сказала...

Гориславская. Друг мой, моя вторая мать, если б я сказала, я солгала бы пред тобою и пред Богом. Не могу не любить отца — это выше меня самой, ты это знаешь, ты это сама позволила; но если б нужна была жертва кровная для одного из вас, на выбор между вами, уж, конечно, не ему принесла бы ее.

Виталина (*обнимая ее*). Я в этом была уверена. Что ж заставило тебя нынче бояться даже памяти о твоём рождении? Почему ты прежде никогда не говорила о своём отце с таким страхом? Разве ты не исполнила кровных обязанностей. Родные твои обеспечены от нас приличным содержанием; они счастливы счастьем, им сродным, которого выше не знают, и за него тебе обязаны. Почему ж только ныне, после семи лет разлуки, фантазия твоя начала так мрачно разыгрываться и летать в твоё первобытное семейство? Что за

странные вспышки? не понимаю. Тут кроется другое...

Гориславская (в смущении). Так! другое чувство: гордость, небывалая гордость вдруг овладела душой моей, она-то и губит меня!

Виталина. Я всегда любила в тебе это чувство, но не в такой ужасной степени, как теперь. Странно, этого прежде не бывало с тобой... Посмотри мне в глаза... Наташа! ты и теперь сказала мне неправду: есть другая важная причина; есть другое сильнейшее чувство, которое скрываешь от меня.

Гориславская. Виновата... прости мне... открою тебе... я... люблю... я не могла не любить его... Правда, семь лет забывала, что я дочь еврея, и только теперь это вспомнила, когда в сердце мое невидимо, не знаю как, вкралось чувство, которого прежде не понимала. Я увидела ужасную пропасть, когда голова моя над нею закружилась, когда было поздно воротиться!.. Помоги, родная, друг мой, защити меня от меня самой!.. Он... ты знаешь кто... сделал мне предложение — я отказала... откажи и ты. Вооружись хоть ты за меня; я уж не могу. Мухоморов мой жених, я

обручена с ним, слово твое дано, я за него иду.

Виталина. Теперь ясно, как день: ты будешь с ним несчастлива; ты не можешь, не должна за него идти. Ни он, ни семейство его не по тебе!.. Попробуем над ним силою убеждений, денег, равнодушия твоего к жениху... Все это, вместе с благодарностью ко мне, не поколеблет ли отца и сына? А если для счастья твоего нужно *более*... никогда я этого не делала, Бог свидетель!.. если нужно отступить, решусь и на это. Разве лучше моими руками навязать тебе камень на шею и бросить в пучину?

Гориславская. Хоть бы и так, но... если он узнает, что я дочь... жида?

Виталина. Как это узнать ему? Ты крещена в дальнем городе; когда ты вступила ко мне в дом, из слуг, тогда со мною бывших при мне, никого нет теперь в живых; все это было сделано мужем и мною так секретно... Один Парфеныч знает тайну твоего рождения. Ты слышешь дочь канцелярского чиновника.

Гориславская. Но тайна известна старику Мухоморову; разве он, владея ею, не может измщения передать ее другим и бросить меня

на поругание света и, пуще всего, на позор перед ним?.. Опыт он уже сделал... Ну, если мой отец, в самом деле, приехал в Москву?..

Виталина. Негодяй хотел только посердить тебя, а, может, и попугать за равнодушные к сыну.

Гориславская. Но решиться мне обманывать, не одну минуту, не один день... обманывать всю жизнь того, кто доверчиво, с слепой любовью соединил со мной судьбу свою? О! тяжело!.. Я изною от этой мысли...

Виталина. Так лучше испытаем силу его любви к тебе! Он знает, что ты дочь мелкого канцелярского служителя, и это не пугает его. Любовь его выше всех предрассудков, говорил мне отец, когда просил у меня руки твоей... Что ж?.. спустим тебя одною ступенью ниже, откроемся ему...

Гориславская. Чтоб он узнал, что я дочь жиди?.. Нет, никогда не соглашусь на этот опыт! Лучше расстаться с моим счастьем, лучше умереть.

Виталина. Так предоставь мне действовать самой.

Гориславская. Делай со мною, что хо-

чешь... воля твоя будет моей судьбою... только побереги меня.

Виталина. Будет по-твоему, гордое и дорогое дитя мое! Теперь поди к себе отдыхать, да вели позвать сюда обоих Мухоморовых.

Гориславская (*которая было отошла несколько шагов, возвращается*). Они сами идут. (*Удаляется.*)

Виталина (*увидев Мухоморовых*). Как я стала обоих ненавидеть!

Явление XI

Виталина, Мухоморов и Павел Флегонтыч.

Виталина. Мне нужно с вами говорить о важном для нас деле.

Павел Флегонтыч. Мы за этим же пришли.

Мухоморов. Скажи-ка лучше, Павел Флегонтыч, для повершения этого дела ты приехал из Питера. Дорожка нелегкая и поубыточился немало.

Виталина. Увидите, что стоило бы прокатиться и далее, хоть для настоящего разговора. Поместитесь-ка подле меня, Флегонт Пар-

феныч (указывает ему на скамейку), а вы, молодой человек, возьмите стул и присядьте поближе. Ты помнишь, старик, что случилось года четыре тому назад, когда я лежала на смертном одре.

Мухоморов. Как не помнить! Ангельская душа чуть-чуть не улетела на небо. Денно и ночью не отходили мы с женой от вашей спальни.

Виталина. Грешно мне забыть, как ты и жена твоя ухаживали за мною в это время. Бедная Наташа проплакала только глаза: хоть и дитя, она понимала, однако ж, что со мною теряет все в мире и остается круглою, несчастною сиротой. Не страшно было мне умереть, но страшно было оставить ее без состояния, без покровительства. Думать долго не было времени; вы оба знаете хорошо остальное.

Мухоморов. По совести исполнил я вашу волю.

Павел Флегонтыч. Желание ваше было для нас законом.

Виталина. Мы расположили судьбою ребенка...

Мухоморов. Однако ж, ей было пятнадцать годиков.

Виталина. Девочка в пятнадцать лет разве не дитя?.. Да, без ее ведома, без ее согласия, мы сделали крепость на ее руку и сердце, на всю будущность.

Павел Флегонтыч. Когда я приезжал прошедшего года в Москву, Наталье Ивановне было уже восемнадцать лет — вы не переменяли своего слова. Если б рассудок и сердце ее противились ему, вы бы, конечно, лучше нас знали это и нам объявили.

Виталина. Я молчала, потому что не имела ничего нового вам объявить.

Павел Флегонтыч. По крайней мере, молчание ваше укрепило меня в моих надеждах, в уверенности получить руку той, которую я уж три года называл своей невестой. Каждый год возрастала моя привязанность, и вы ее сами питали. С вашей стороны положено было только одно препятствие — мой чин; вы сами назначили срок нашей свадьбы, когда я получу коллежского асессора: он давал мне право укрепить за будущей моей женой имение, которое вы сами ей назначили!.. Я этого прида-

ного не просил, я и теперь его не требую.

Мухоморов. Однако ж, все-таки не лишнее, Павлуша, ведь обещано... да и не радостно будет Наталье Ивановне от рябчиков жить на сухоядении. Видит Бог, мы поступили без хитрости, без корысти. Софья Андреевна сама изволит знать, что должна мне была сто тысяч по двум актам, явленным в гражданской, и я не покорыстовался ими.

Виталина. Вы можете получить и теперь один, в пятьдесят тысяч: он цел; разница в нем только та, что на него выросли проценты. Примите его в благодарность за все, что вы для меня сделали и *можете* еще сделать.

Павел Флегонтыч (*в сторону*). А! понимаю... (*Вслух.*) Без руки Натальи Ивановны этот акт для меня все равно, что лист белой бумаги. Не о благодарности, не о векселях, явленных у маклеров и в палатах, идет речь, Софья Андреевна, а о выполнении слова, скрепленного честью вашею, честью благородной дамы; дело идет об исполнении обета, данного у смертного одра, перед лицом Судьи, которого протест ужасен... дело идет о счастье или несчастье целой моей жизни. Теперь и я при-

зываю вас к ответу.

Виталина (*вставая*). К ответу?.. меня?.. вы?.. вы, которого отцу дала я свободу, имя, состояние?.. Не вам ли самим дано мною воспитание у меня в доме, потом средства к высшему образованию? Не я ли проложила вам дорогу к службе, вывела вас на степень, которую занимаете ныне в свете? Я могла бы сказать более, но считаю низким говорить о благодеяниях... Извольте, я дам вам ответ. Вы о чести говорите очень горячо, молодой человек; увидим, так ли согласны с правилами чести и действия ваши! Рыцарь, как вы себя понимаете, должен быть во всем таким.

Павел Флегонтыч. Кажется, вы испытывали меня более двадцати лет; не вновь же начинать!

Виталина. Прежде всего и я должна, однако ж, сказать: не имею нужды, чтоб напомнили мне об исполнении *моего* слова. Когда для этого нужно было бы жертвовать своим имуществом, своим спокойствием, одним словом — собою, я не задумалась бы ни на минуту. Но в деле нашем есть третье лицо... дочь моя, не по рождению,— все равно!— любовь

сильнее кровных прав. Так помните, сударь, дело идет о судьбе дочери моей; вы говорите с ее матерью.

Павел Флегонтыч. Слушаю.

Виталина. Не виды на богатое приданое, которое даю за Наташей, прельщают вас, сказали вы: одна привязанность, одна чистая, бескорыстная любовь, возраставшая с каждым годом?..

Павел Флегонтыч. И теперь это подтверждаю.

Мухоморов (*про себя*). Ох, ох! беда с этими приткими молодыми людьми! Того и гляди, отступится от сотен тысяч.

Виталина. Так для вас нужна она одна, своим лицом?

Павел Флегонтыч. Получить ее и без ничего почел бы я высшим блаженством.

Виталина. Но вы, конечно, хотите, чтоб будущая подруга вашей жизни с рукою своею отдала вам сердце, чтоб она вас любила и любовь свою услаждала вашу будущность. Без того, что за союз двух людей мыслящих, образованных? Уж и в деревнях, у крестьян, не стали отдавать дочерей поневоле. Когда

обещала я вам Наташу, я думала, что сердце ее никем не занято и, если не чувствует к вам особенной привязанности, то по крайней мере свободно, по крайней мере способно вас полюбить. До нынешнего дня я была в этом заблуждении. Знайте же: она вас не терпит, она чувствует к вам неодолимое отвращение; скажу более: она любит другого и мне в этом нынче призналась.

Павел Флегонтыч. Не эту ли восковую фигуру, которую только что на днях увидела! Богатырская любовь! шагает верстовыми шагами!..

Виталина. Теперь, господин рыцарь, покажите свое благородство: возьмите ее, повлеките к венцу, заставьте у алтаря Божия, перед лицом Его, солгать, что она не неволею за вас идет, что она никого не любила, кроме вас. Честен, возвышен будет ваш поступок!.. Но когда совершите вы этот рыцарский подвиг, какое высокое блаженство будет видеть подле себя жену-страдальницу, которая сказала вам прежде, что она вас ненавидит и презирает... Да, презирает, потому что подобный поступок с вашей стороны другого чувства не заслужи-

вает!.. Начните же этот подвиг, сударь, довершите его, если достанет у вас довольно самоотвержения, чтоб обречь и себя на вечные муки.

Мухоморов (*сыну тихо, так, чтобы слышала Виталина*). По мне хоть бы отступиться от такой невесты. Паша, не лучше ли взять сто тысяч?

Павел Флегонтыч. Увидим.

Виталина. Что ж вы на это скажете?

Павел Флегонтыч. Что я скажу?.. Теперь ни слова, ни одного слова не услышите от меня. Дайте мне подумать, Софья Андреевна! Только одну неделю срока прошу; чрез неделю получите решительный ответ. Хочу сам испытать сердце Натальи Ивановны; от нее самой должен услышать ответ. Вы даже обвинили бы меня в ветрености, в легкомыслии, если б я сейчас решился. Любить так долго, так страстно и так скоро расстаться со своею любовью, с лучшими мечтами своей жизни — о! это ужасно!

Виталина. Так чрез неделю жду ответа. Он должен быть решительный. Помните, мы не ссорились с вами, Флегонт Парфеныч (с

твердостью), в твоей преданности я уверена... ты мне никогда не изменял и знаешь Бога.

Мухоморов. Матушка!.. видит... Он! (*Показывает на небо.*)

Виталина (*тихо ему*). Зачем же ты... давеча...

Мухоморов (*тихо*). Каюсь, виноват... в сердцах сорвалось... верьте совести, вперед не буду... Уж вы, родная, будьте с ним (*указывая на сына*) не так суровы... (*Уходит с сыном.*)

Виталина (*уходя*). Господи! внуши им все, что согласно только с ее счастьем.

Явление XII

Мухоморов и Павел Флегонтыч.

Павел Флегонтыч. Отступиться?.. отступиться?.. За кого они принимают меня? За ребенка что ли, которого тешили долго любимую игрушкой — отняли ее, потому что она понравилась другому, и обещают новую, золотую игрушку? Хотят среди белого дня, всенародно, проволочь меня по грязи и потом умыть розовою водою? И чтобы толпа, чернь

насмеялась досыта над этой проделкой?.. Нет, не так легко! Они меня не знают!.. Лучше погубить ее, хоть бы самому погибнуть... Отец! у тебя есть тайна... важная тайна, говорил ты, которая мне даст над Гориславской роковую власть, которая приведет ее к ногам моим, как покорную овечку.

Мухоморов. Почти так.

Павел Флегонтыч. Почти?.. Наверно!.. Ты давеча шепнул ей на ухо несколько слов... видно, показал кончик этой тайны... Гориславская побледнела, как смерть, руки ее дрожали... Постигаю, ты обладаешь великим сокровищем... На что оно тебе? Что ты сделаешь из него, с твоею мягкой, уклончивою душой? Оно принадлежит мне по праву. Отдай мне его!.. *(Берет судорожно отца за руку.)* Пора — ты видел?.. Ты сам устроил эту путаницу, дай же мне нож, которым бы ее рассечь.

Мухоморов. Безумный! не ломай же мне так руку... Ох, ох! чему же вас учат там в высоких трехэтажных палатах? Только что не погладили его по шерсти, он уж все помыслы свои, всю утробу выворотил наружу. Павлуша, не так делают люди бывалые, умные.

Отец твой простой, как ты говоришь, необразованный человек, да тебя поучит. А ты наставил меня давеча, все дело было испортил. У нас не так: на душе и волком воешь, да, коли нужно, воркуешь голубочком. Прикинусь дурачком, поклянусь, побожусь, а тут (*показав на грудь*) пишется кровавая челобитная по пунктам... уж с надписью не возвратят, за то ручаюсь. Видел ты, Софья Андреевна по-прежнему ко мне, и уверена, что я ей преданный? А я — предан только себе, да тебе, неблагодарный! Прежде чем ты меня просил, я для тебя многое устроил.

Павел Флегонтыч. Батюшка, простите меня, дайте мне руку вашу... я поцелую ее, чтоб прошла скорее боль, которую причинил ей, и, может быть, сердцу вашему! Умоляю вас об одном — выкупить для меня Гориславскую из чужих рук или погубить ее вместе с названной матерью.

Мухоморов. Авось, обойдемся без последнего. Открою тебе всю подноготную. Только поклонись, что не передашь секрета никому до поры до времени; ты, да я, будем одни знать, будем одни проводить от него невиди-

мые проволоки, чтоб куклы плясали по нашему хотению. Даже матери твоей... самой матери не говори: знаешь, волос долог... все дело испортит.

Павел Флегонтыч. Клянусь всемогущим Богом!

Мухоморов (*обходит кругом кусты и заглядывает в беседку*). Никого... не шелохнет!.. Слушай же: Гориславская не дочь канцелярского чиновника, а дочь... еврея.

Павел Флегонтыч. Еврея?.. Может ли статья?

Мухоморов. Сталось, как ты мой сын. Никто из сторонних не знает этого, кроме меня. Тому назад семь лет, покойный Виталин командовал полком, который стоял в Белостоке. Хаживал к ним жидок Соломон — по ихнему фактор что ли — нищий, хоть и проходило много денег через его руки. У жидка было три дочки. Старшая, Эсфира, была такая пригожая, ласковая, разумная. Увидали ее господа, полюбили, и впала им мысль взять ее к себе в дом вместо дочки. За деньги жид готов продать хоть себя, и согласился отдать дочь с тем, чтоб вовсе от нее отступиться. Эсфирочка бы-

ла такая гордая натура, будто родилась в каменных палатах. Эсфиру окрестили и называли Натальей, а чтоб она не поступила в дом с жидовским клеймом, по моей науке стали ее величать дочерью личного дворянина. С тех пор она такую и слывет. В Белостоке это дело ныне только известно Богу да душе Соломона.

Павел Флегонтыч. Чем же можно доказать теперь, если нужно, что Гориславская была жидовка?

Мухоморов. Во-первых, натура ее сама сейчас скажется: проба была при тебе с полчаса назад. Во-вторых, я оставил в деле лазейку. Учись, дружок, никогда не кончать дела начисто, а всегда оставляй в нем лазейку — такую, что можно, коли понадобится, влезть или вылезть через нее. Стоит только потребовать от Виталиной актец о крещении, и секрет выплывет на чистую воду. В-третьих, я приберег себе корреспонденцию с Соломоном, разумеется, и пересылку денег к нему: дондеже могу им располагать, как хочу. Положено ему было две тысячи, а я с каждым годом убавлял фуражные деньги; нынешний год послал ему только триста, и то на доро-

гу — пускай будет ни сыт, ни голоден. Все для тебя, Павлуша, все для тебя, дружок, не равно на черный день (*слышен шорох в кусте; Мухоморов прислушивается.*) Чу! не слыхал ли ты шуму?

Павел Флегонтыч. Нет, птица слетела с дерева; не беспокойтесь — вам показалось.

Мухоморов. Смекаешь, жид раздражен... стоит только насыкнуть, он и выдаст все наружу. Заметил я, во время отлучки твоей, что Гориславская равнодушна к офицеру; старая барыня смотрит на это ласково и уж до тебя заговаривала мне, хоть на попятную. Пятьсот душ, каменные дома, капиталец... подцепят, окаянные, подумал я, быть тут худа, хоть и дочь приказного. На всякий случай выписал жидка из Белостока; приехал вчера сюда и с дочками. Понадобится, докажем Леандровым, что Натальюшка — жидовка, наведем и на батюшку Соломона... Нам ничего, а старому столбовому дворянину втюриться в такое родство... Смекаешь?.. обеими руками отдадут...

Павел Флегонтыч. Батюшка, я перед вами глупец... Тайна ваша воскресила меня. О! я

не ожидал, чтоб в ней было столько добра, столько могучих средств. Правда, это такой волшебный талисман, от которого посыплются чудеса. Вы увидите, что я им воспользуюсь... Смирится гордая натура Гориславской — она моя!

Мухоморов. Только, ради Бога, поскромнее, поувертливей, оглядываясь. Так всегда вводи других, а сам не попадайся. Соломона, коли тебе понадобится, можешь отыскать в Черством переулке, близ Сухаревой башни, в доме мещанки Соковой.

Павел Флегонтыч. Соковой... не забуду; эта фамилия врезалась в голове и сердце, как будто выжгли ее горячим железом.

Мухоморов. Однако ж темнеет на дворе. Пожалуй, эти сорванцы дождутся в овраге да поколотят порядком — чего доброго! Отправимся-ка поскорей в Москву. *(Отходит к воротам.)* Эй! Филька! Заснул! Филька!

(Слышен голос.) «Здесь, сударь... Тпр-ру, окаянные, успеете натешиться. Да, заснешь голодный на тычке!..» *(Мухоморовы скрываются.)*

АКТ II

Комната в квартире Леандрова.
Явление I

Леандров (один). Дочь приказного!.. Неважный ремиз: рука сына разом сотрет его. Не в чины же ему лезть через жену!.. С другой стороны, сколько достоинств! Хороша собой, воспитана, умна, а пуще всего добра, как ангел; все в доме барышней не нахвалятся. Я сам влюблен в нее без памяти. Да и то сказать, сколько ни доискивался приказной родни, не отыскал никакой — круглая сирота! Тем лучше.

Дело решенное: она наша. Вижу, и самой Виталиной хочется честным образом отделаться от Мухоморовых. Мы избавим ее от хлопот; вся проделка падет на нас. Завтра представим ей Гориславскую под именем госпожи Леандровой. Чай, у молодых людей кипит дело: учить и понуждать нечего. Да вот и на помине легки.

Явление II

Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов.

Леандров. Отчет скорей, начистоту!

Сергей Петрович. Все нам помогает. Мухоморовых нынешний день не принимали; со мною старушка была необыкновенно приветлива: в словах ее везде проглядывала родственная, сердечная теплота. Натали была грустна, но успела наградить меня таким взглядом, для которого можно броситься в огонь; прощаясь подала мне руку... О! что сказала мне эта рука!.. Батюшка, я вполне счастлив.

Ипполитов. Пожалуй, он вас займет целый час рассказами о чудесных взглядах, о таинственных пожатиях руки, а настоящего вы от него не узнаете. Извольте, достославный родитель сего Телемака, выслушать рапорт его Ментора. Наталья Ивановна едет решительно на вечер к Гусыниным; ей сопутствует сентиментальная дева Медовицына; Виталина остается дома, будто по нездоровью... Люди, купленные мною, пересказали барыне о наших будущих подвигах, а барыня дала этим людям секретный приказ не мешать нам; все

это, как водится, опять передано мне. По вашему повелению, многоуважаемый Петр Сергеевич, я съездил за 20 верст от Москвы, в указанное мне вами село...

*Алтарь готов, горит огнями
храм.*

*Любви курится фимиам
И стелет Гименей нетерпеливый
Роскошный одр из роз чете счастливой.*

Леандров. Стихи, особенно с фимиамами, ныне не в моде; давай-ка нам дельной прозы и прозы!

Ипполитов. Прозаически сказать, все приготовлено, чтоб окрутить влюбленную чету; запасены свидетели, шаферы и не забыта батарея шампанского. Воля ваша, грянем: «Гром победы раздавайся!» — и увлечем вас в полонез.

Леандров. Не только полонез, под эти родные, торжественные звуки готов тряхнуть старыми костями и пройтись русскую, молодецкую. Спасибо, дружище! (*Кличет.*) Эй! мальчик.

Ипполитов (*тихо Сергею Петровичу*). Вид-

но, в доме отца твоего не вывелись еще мальчишки, которые женятся, имеют сами детей и до смерти остаются все мальчишками! (Сергей Петрович молча жмет ему руку.)

Явление III

Те же и слуга.

Леандров (слуге). Ты знаешь, как мои приказания исполняются?

Слуга. Знаем; хоть в огонь и воду.

Леандров. Чтоб к девяти часам все было готово...

Слуга. Слушаю.

Ишполитов. Проэкзаменуйте его, хорошо ли выучил он мой урок.

Леандров. Помнишь ли, что надо сделать?

Слуга. Софья Андреевна поедет с вечеринки.

Леандров. Софья Андреевна или Наталья Ивановна — все равно — слышишь?

Слуга. Слушаю. Карета их остановится в Газетном переулке, у второго фонарного столба от Тверской. «Что там сделалось?» — спрашивает барыня или барышня. «Колесо нена-

дежно» — говорит ихний кучер. Мы тут как снег на голову. Бросаюсь к карете, и ну раскачивать колесо. «Ахти, матушка, сударыня! дело худое; вы этак до Кузнецкого не доплететесь. Да не извольте тревожиться: как будто Бог послал нас сюда на эту беду; барин едет из клуба и здесь в двух шагах, в своей карете». — Тут пересаживается барыня или барышня к вам, а известное дело, прямо в село Самородки.

Леандров. Ладно. Теперь на отдых, а вечером к делу, и не зевать. Ступай. *(Слуга уходит.)*

Явление IV

Те же, кроме слуги.

Леандров. Люблю такого рода проделки. Это не первинка для меня. В молодости своей, если не для себя увез жену, так приятелю помог увезти.

Ипполитов. Видно, вы были такой же молодец, как и я.

Леандров. Тех же щей, да пожиже. Вы люди нового века: за друга пойдете на дуэль, а

под дубину мужика не отважитесь.

Ипполитов. Перед геркулесовой шпагой — пас.

Леандров. Правда, наши времена были проще, пожалуй, и погрубей; многое уж ныне и не позволят.

Ипполитов. Расскажите-ка нам о вашем молодечестве, хоть ради вящего нашего куража.

Леандров. Вот видите, надо было выхватить одну Надежду Николаевну из дома родственника ее, старика богатого и упрямого, который ни за что не хотел отдать ее за моего приятеля. Разумеется, и приятель, и девушка были влюблены друг в друга по самую маковку головы. Нужно было не только вырвать барышню из-под караула старика, но и перемахнуть в другой уезд. В своем никто не хотел венчать, а в соседнем человек мне задушевный и лихач, каких уже нет нынче, все изготовил, чтоб окрутить влюбленную чету. В глухую полночь спустилась Надежда Николаевна из окна своей спальни, прямо ножками на мои плеча; в охапку ее — и сгинул в темноте ночной. До границы промчались мы вих-

рем благополучно. Стало светать... ахти! вижу — двадцать молодцов с дубинками дожидаются нас наперехват; из плетня сделан барьер. Сам я сидел кучером; четверка была у меня отчаянная, сказочная. Задрожали жилки, не от страха опасности, а от страха удариться лицом в грязь... Смекаю, дело плохо! однако ж подумал, лучше голову снести чем на попятную... перекрестился, да как гаркнул: «Эй! соколики! не выдайте!..» — и был таков. Только видел в облаке пыли, как разметались люди по сторонам, будто полетели щепки... Не утерпел однако ж: в саженьях пятидесяти остановился да погрозил кнутом. Правду сказать, и невеста была молодец — обняла меня на козлах и поцеловала.

Ишполитов. Сережа, как думаешь, брат, вместо тебя, не повезти ли батюшку к венцу? Посмотри-ка, тридцать лет с костей долой; глаза горят, как у влюбленного юноши.

Сергей Петрович. Если бы и увез для себя, знаю, и у венца отдаст мне ее. *(Целует руку у отца.)*

Леандров. Теперь осталось поручить себя Богу. Прилягу немного; нам придется всю

ночь не смыкать глаз. *(Идет в боковую комнату.)*

Явление V

Сергей Петрович и Ипполитов.

Ипполитов. Чудный человек твой отец!.. Жалею, что я не на твоём месте, то есть, не героём нашего романа, не имею такого отца и, главное, такой бесподобной невесты, которую завтра можешь лобызать, сколько душе угодно.

Сергей Петрович. Да, братец, завидовать мне можно.

Ипполитов. Чтоб не завидовать тебе наяву, пойду заесть горечь моего одиночества трюфелями, от которых за версту несёт амброзией, и залью её добрым хересом. *(Расходятся в разные двери.)*

Явление VI

Вечер в доме откупщика Гусынина. Авансцена представляет гостиную, наполненную богатою мебелью, расставленною в модном беспорядке. Посреди комнаты, ближе к левой

стороне, мраморный камин, в виде пьедестала, на котором стоит из мрамора изваянная группа Психеи и Амура; крутом цветы в горшках. Сквозь широкую арку, с богатою драпировкой, видна зала. Во время танцев, звуки музыки слабо долетают до зрителей; сквозь анфиладу комнат видно танцующих, а иногда полькирующиеся показываются на авансцене, в гостиной.

Гусынин, Гусынина, Сергей Петрович, Ипполитов, Павел Флегонтыч, молодые люди 1-й, 2-й, 3-й, прочие гости обоего пола. Гусынин и 1-й молодой человек разносят карты гостям. Мужчины и дамы, большею частью, рассаживаются за карточные столы. Несколько девиц и молодых дам сидят в разных местах гостиной и залы, другие переходят парами и группами из одной комнаты в другую. Молодые люди рассыпаны там и сям; редкий из них подходит к дамам и девицам. Гости то и дело прибывают. Сергей Петрович и Ипполитов сидят на диване; первый внимательно выглядывает приезжающих; Павел Флегонтыч издали наблюдает за ними.

Сергей Петрович. До сих пор нет ее! Уж не случилось ли чего? Не отдумала ли приехать?

Ипполитов. Просто, лишних пять минут на туалет, и для тебя, неблагодарный.

Сергей Петрович. Для меня?.. Да, после утреннего свидания я сделался самолюбив.

Ипполитов. Скажу еще тебе в утешение: несчастье приходит внезапно, счастье любит пококетничать — заставляет себя ждать.

Сергей Петрович. Несчастье приходит внезапно, говоришь ты? У меня сердце замерло от этих слов.

Ипполитов. Перед добром, Фомич неверный! С тобою шутить нельзя: благополучие у тебя на носу, а ты его не видишь.

Сергей Петрович. Боюсь всего, пока не скажу: она моя!.. Не выдержу, пойду стеречь ее поближе к дверям. *(Уходит в другую комнату.)*

Павел Флегонтыч *(сев подле Ипполитова, иронически).* Ваш приятель ждет ее... с нетерпением, которого не может скрыть.

Ипполитов. Ее?.. Кто дал вам право, сударь, обращаться ко мне с подобными таинственными вопросами? Кажется, мы с вами

не на такой дружеской ноге.

Павел Флегонтыч. Но вы... друг Леандрову, вы желаете ему счастья... он ждет этого счастья с рукою *ее*; но горько будет разочарование: он обманут!

Иполитов. А вы, из желания ему добра, хотите открыть обман?..

Павел Флегонтыч. Не столько для его добра, сколько для своего, признаюсь вам. Я в этой драме теперь главное страдающее лицо; берегитесь, чтобы друг ваш, став на мое место, не раскаялся... будет поздно!

Иполитов (*иронически*). Благодарим за участие.

Павел Флегонтыч. Волею или неволею, вы должны принять его.

Иполитов. Неволею? это дерзко и смешно! Посмотрим, однако ж, вашей удали.

Павел Флегонтыч. Ни дерзко, ни смешно, если узнаете, что заставляет меня так говорить. Не засмеетесь вы, тем менее засмеется ваш друг, когда увидите *ее*, бледную, трепещущую от одного моего слова. Не засмеетесь, когда я вам покажу изумительные, страшные доказательства моего на нее влияния! Смех

разве будет на моей стороне!

Ипполитов (*измеряя его глазами*). После такого предисловия очень любопытно было бы, в самом деле, увидеть ваши штуки, новый дивный Пинетти!

Гусынин (*останавливается в раздумье с картой в руках близ говорящих*).

Гусынина (*своему мужу*). Да вот monsieur Ипполитов не танцует; он избавит нас от хлопот.

Гусынин (*Ипполитову, предлагая ему карточку*). Не достает одного партнера... не откажитесь.

Ипполитов. Извините, я не играю.

Гусынин. Два генерала и кавалеры разных орденов...

Ипполитов. Хоть бы гран-метры тамплиеров!.. Не играю решительно.

Гусынина (*отходя с мужем*). Злой человек! не танцует и не играет; зачем же эти господа приезжают на вечера?

Павел Флегонтыч. Пожалуй, я дам вам здесь, теперь, образчики тех таинственных отношений, которые существуют между ею и мною. Так... желаете?

Ипполитов. Что ж? В самом деле интересно. Но помните, почтеннейший, что если это одни фарсы с вашей стороны, если вы хоть на волос солгали, я назову вас публично негодяем и лжецом.

Павел Флегонтыч. Я этого не боюсь, потому что дело подтвердит мои слова. После этих доказательств, подадите ли мне руку на мир?

Ипполитов. О! и в этом случае, нет, никогда! Но я даю вам слово препятствовать тогда, чтобы мой друг женился на ней, во что бы ни стало. Для вас, как я вижу, более ничего не надо.

Павел Флегонтыч. Довольно с меня и этого.

Ипполитов. Говорите же... давайте опыты. *(Трое молодых людей останавливаются у камина близ Ипполитова и Павла Флегонтыча и мешают им продолжать разговор.)*

1-й молодой человек. Насилу рассадил по мастям!.. Устал, как собака.

2-й молодой человек. Есть из чего! твоя Клеопатра дивно хороша, а Амфитрион дивно глуп — выручаешь его славно!

3-й молодой человек. Смотря на нее, я все-

гда вспоминаю «Египетские Ночи» Пушкина:

*И всеми тайнами лобзаний
И дивной негой утомить.*

Счастливец! (Все трое удаляются.)

Павел Флегонтыч. Вы желаете опытов? Извольте. Ваш друг наверно будет звать ее на первый танец?

Иполитов. Если б он этого не сделал, я уговорю.

Павел Флегонтыч. Хорошо. Я уверен так в своем чудесном влиянии на нее, в своем преимуществе над вашим другом, что дождусь, пока он ее ангажирует.

Иполитов. И потом?

Павел Флегонтыч. И потом пойду к ней, скажу ей два, три слова... она пойдет со мною и откажет Леандрову. Мало, я сделаю этот опыт два раза, пожалуй...

Иполитов. Довольно и двух!.. Если б я был на месте Леандрова, я задушил бы вас обоих на первом опыте.

Павел Флегонтыч. Вы не должны подслушивать нас.

Иполитов. Даю слово.

Павел Флегонтыч. Ждать недолго; через пять минут она будет здесь.

Исполитов. Неимоверная пунктуальность!.. Помните, если вы на волос отступите... Но... посмотрим эту оказию.

Павел Флегонтыч. До решения задачи!.. *(Встает и скрывается между гостями.)*

Исполитов *(про себя).* Воплощенный дьявол!.. Он, однако ж, говорил с такою уверенностью... Нет, он не лжет!.. Так лгать невозможно!.. Несчастный друг!.. И я, как будто вещей ворон, напророчил ему внезапную беду? Что ж? лучше узнать обман прежде, нежели навек с ним соединиться... Вот любовь нашего времени! *(Скрывается между гостями.)*

3-й молодой человек. Ждут нового светила; говорят, должна затмить все, что ты видишь здесь блестящего красотой и любезностью.

Четвертый. Не ты ли открыл ее, великий звездочет?

3-й молодой человек. Наш пансионский товарищ, Мухоморов, помнишь, был такой угрюмый и сердитый на весь мир.

Четвертый. Помню, однако ж славно эту-

дировал.

3-й молодой человек. Стоит навесть наши обсервативные орудия — пятьсот душ, сотни тысяч денег, каменные дома. Может быть, удастся дать этому светилу свое имя!

Четвертый. Подцепит какой-нибудь мичман Нептун, или департаментский Меркурий. Кто же она такая?

3-й молодой человек. Полька... сказывают, правнука Лещинского — по боковой линии! фамилия какая-то славянская... как бишь? да, да, Гориславская.

Слышны голоса: «Она! Гориславская!» — «Гориславская!» — «Дивно хороша!» — «чудо!»

Явление VII

Те же, Гориславская и Медовицына.

Сергей Петрович (*Гориславской, провожая ее через гостиную до дивана, с правой стороны от зрителей, на который она и садится. Медовицына с досадою садится в некотором расстоянии; Сергей Петрович становится за Гориславской*). Посмотрите, с каким восторгом все здесь вас встречает; послушайте, как

общий голос называет вас царицею нынешнего вечера.

Гориславская. Что мне теперь до безумной похвалы их!.. я никого из них не вижу, никого не слышу... Только... для одного... хотела бы я быть лучше всех.

Сергей Петрович. Для одного?.. О! скажите мне имя этого счастливца... *(Гориславская смотрит на него с любовью.)* Ваши глаза говорят мне так много... Неужели... я?

Гориславская. Кто же может быть другой?.. Видите, какая я нынче болтушка!.. Это оттого, что мне позволено... я так долго молчала. Надо же себя вознаградить!..

Сергей Петрович. Что вы делаете со мною?.. Если б я не боялся, чтоб почли меня безумным, я бросился бы к ногам вашим... Да, я у ног ваших... я целую их с трепетом благодарности, любви, блаженства — высшего, какое только небо посылало человеку.

Гориславская! Мы этак забудем, что на вечере, что не одни здесь. Ангажируйте меня поскорей, а то кто-нибудь предупредит вас.

Сергей Петрович. На первый и второй танец, не так ли?

Гориславская. С большим удовольствием... Мне надо так много говорить с вами. Ступайте... ищите себе скорей визави. *(Сергей Петрович отходит несколько шагов вперед и останавливается в забытьи подле Ипполитова.)*

Ипполитов. Чего ты ищешь?

Сергей Петрович. Визави.

Ипполитов. На одном месте, не говоря ни слова? странно!

Сергей Петрович. Я потерял голову от блаженства и не знаю, куда идти. Укажи мне... толкни меня на кого-нибудь.

Ипполитов. Пойди в залу, там найдешь десятки охотников стать против твоей очаровательницы. На сколько танцев ты ее ангажируешь?

Сергей Петрович. На два. Но для чего этот вопрос?

Ипполитов. Мне смертельно хочется подольше насладиться, как вы, в парочке с нею, обратите на себя общее внимание. Сколько перекосятся хорошеньких личиков! сколько маменек перебесится! *(Сергей Петрович уходит в другую комнату. Между тем Павел Флегон-*

тыч подходит к одному молодому человеку и шепчет ему что-то на ухо; молодой человек приглашает Медовицыну и уводит ее.)

Павел Флегонтыч (наклонясь к Гориславской, тихо). Вы будете танцевать со мною первый и второй танец?

Гориславская. Это невозможно; вы видите, я дала слово Леандрову.

Павел Флегонтыч. Вы... не пойдете с ним, Эсфира! (Гориславская бледнеет и в величайшем смущении.) А если это сделаете, через пять минут все, что здесь есть, узнают, что вы дочь еврея Соломона, и Леандров первый!.. Выбирайте. Мое слово неизменно, как свят Бог! Идите со мною! решайтесь поскорей!

Гориславская (хочет подать ему руку и приподняться с кресел и опять опускается на них). Иду. (Мухоморов подает ей руку и помогает встать.)

Ипполитов (про себя). Великий Боже!

Сергей Петрович (возвратившись, Мухоморову). Павел Флегонтыч, что это значит? позвольте, я ангажировал Наталью Ивановну.

Павел Флегонтыч. Спросите у нее.

Гориславская. Виновата... я забыла... слово

дала прежде.

Сергей Петрович. По крайней мере, на вальс.

Павел Флегонтыч. И вальс идет Наталья Ивановна со мною. *(Увлекает Гориславскую в кадрили, которая составляет, смотря с торжествующею улыбкою на Ипполитова.)*

Сергей Петрович *(остаётся неподвижным, на одном месте; отчаяние изображается во всех его чертах).*

2-й молодой человек *(встретив Гориславскую).* На вторую кадрили.

Гориславская. Я?.. на вторую?..

2-й молодой человек. Да-с, на вторую.

Гориславская. Извините... я... не танцую.

2-й молодой человек. Что за странная! идет танцевать и не танцует? *(Уходит в залу.)*

Ипполитов. Есть от чего сокрушаться! она недостойна твоей любви, она недостойна твоего мщения.

Сергей Петрович. А ты почему знаешь? Разве... ты видел, слышал? Или открыл что-нибудь?

Ипполитов. А ты не видал, какому таинственному влиянию она покорна?.. Да, я знаю

более тебя, но здесь не место объясняться. Брось ее поганому Мухоморову. Чета, достойная друг друга!

Сергей Петрович. Бросить! Нет, пока я жив! пускай возьмет ее разве у мертвого!

Иполитов. Стоит терять жизнь из-за такой...

Сергей Петрович. Ради Бога, не договаривай... дай мне еще помечтать, что она не виновата. Упасть с такой высоты блаженства и в такой омут... нет! Увериться в этом, так надо с ума сойти.

Иполитов. Что ж сказать отцу?.. Слышишь, идет проливной дождь.. *(Слуга закрывает окна.)* Музыка не заглушает ужасной погоды. Я знаю твоего отца: как пылкий юноша, нетерпеливый от любви к тебе, от желания устроить скорее твое счастье, он ранее назначенного часа будет на месте.

Сергей Петрович. Бедный отец!.. Да, надо дать знать ему, что я... сам не хочу... что я отложил... Но прошу, умоляю тебя, подожди немного, хоть полчаса.

Иполитов. Поди, поди, любезный... испытай еще раз чудную покорность ее господину

Мухоморову; испытай новые насмешки, новое унижение; дай этому презренному орудие торжествовать над тобою. Впрочем, кто знает? на этот раз, может быть, счастье тебе улыбнется. Кокетки имеют...

Сергей Петрович. Одно обидное слово, и мы навек рассоримся. Объявляю тебе, пойду еще на унижение... испытаю, объяснюсь... может быть, еще прежде меня дала слово, и забыла — для меня же.

Ишполитов. Бедняк, жаль мне тебя! Впрочем, делай, как хочешь и что хочешь, а моя нога не будет более в их доме.

Гусынина (*увидев Сергея Петровича*). Что это значит? Вы были всегда душою моих вечеров, а теперь убежали сюда от танцев, как анахорет от соблазна.

Сергей Петрович. Я не нашел себе пары.

Гусынина. У меня?.. Извините, вы клеветаете на мой вечер, mon cher monsieur Леандров... Какая-нибудь размолвка!.. Мы вам поможем, мы отомстим. Пойдемте, я вам сыщу... (*берет его под руку и уходит с ним в залу*). Княжна... пара сокрушительных глаз... богата... как будто вас ждала... Может быть, и судь-

ба!..

Кадриль кончилась. Сергей Петрович извиняется перед Гусыниной и спешит к Гориславской, которую и ангажирует на следующий танец; Гориславская на авансцене садится с левой стороны.

Иполитов (*тихо Сергею Петровичу*). Что?
Сергей Петрович. Идет.

Иполитов. Но к ней подходит сатана; посмотрим, что будет.

Павел Флегонтыч (*Гориславской, тихо*). Вы не пойдете с ним, я запрещаю.

Гориславская (*тихо*). Вы?.. О! Это уже слишком много... это свыше всякого унижения.

Павел Флегонтыч. Будете раскаиваться, но поздно.

Гориславская. Пора вам сказать: я вас ненавижу и презираю.

Павел Флегонтыч. Так мщение!

Гориславская. Предпочитаю вашей любви.

Павел Флегонтыч. Помните... мщение (*на-*

чинается музыка, кадриль составляется.)

Гориславская (подходя к Сергею Петровичу). Где наш визави? (Входят в кадриль.)

Павел Флегонтыч (провожая их глазами, про себя). На то пошло, так я сокрошу тебя в прах, еврейка! (Задумывается.) Гениальная мысль! Прямо из преисподней!.. Она сама просила мщения... будет!.. не отложу надолго. Мое слово не ребяческое слово, оно не мимо идет, не лай пса на привязи, который разносится ветром!.. Ревность, унижение, злоба — все адские стихии смешались в душе моей, буря в ней завывает. Устроит ли против нее этот жалкий цветок? (Увидев Ипполитова.) Довольны ли вы моими опытами?

Ипполитов. По горло!.. Только ради моего и вашего спокойствия, прошу подале от меня... Когда вы ко мне подходите, я всегда слышу запах серы; я всегда боюсь, чтобы новый Самизель не выпустил на меня свои когти. (Оборачивается к нему спиной.)

Павел Флегонтыч. И здесь неблагодарность! (Увидев первого молодого человека.) Подойди ко мне, Саша, на два слова.

1-й молодой человек. Что вам угодно?

Павел Флегонтыч. Вы?.. Полно сердиться. Вчера ты просил у меня займы пятьсот рублей; вчера их не было — нынче есть. Надо?

1-й молодой человек. До зарезу. Моя Цирцея обещала, но не могла ничего выпросить у своего супруга; откуп, дескать, плохо идет.

Павел Флегонтыч. Приезжай завтра, получишь. Рад товарищу университетскому услужить.

1-й молодой человек. Избавитель!

Павел Флегонтыч. Попрошу и от тебя услугу на доброе дело.

1-й молодой человек. Ты знаешь, у меня сердце как воск; делай из него, что хочешь.

Павел Флегонтыч. Мне только нужно влияние твое на хозяйку дома. Нечего скрывать, ты всемогущ над сердцем ее, а в нем неистощимые рудники добра. Недаром слывет добродетельною дамой.

1-й молодой человек. По-моему, на чужие деньги.

Павел Флегонтыч. Ты против себя злословишь ее. Я знаю, она готова рассыпать свое добро на бедных...

1-й молодой человек. В чем бы ни нужда-

лись.

Павел Флегонтыч. Какому бы народу, какой бы вере ни принадлежали. Femme émancipée[3], в полном, высоком значении этого слова, жорж-сандовская женщина! Дело теперь в безделице. Вот видишь, я интересуюсь несчастным семейством... Жид — это правда, но по человечеству наш брат... у него две дочери чудесной красоты.

1-й молодой человек. Только-то? Даю слово — здесь и сейчас.

Павел Флегонтыч. Смотри, не забудь: отец — Соломон, дочери — Рахиль и Ревекка.

1-й молодой человек. Соломонов храм, Рашель — знаменитая актриса... Ревекка — жидовка в романе Вальтера Скотта... припомню, припомню.

Павел Флегонтыч. Приехали сюда из Белостока к богатой родственнице, которая их не признает.

1-й молодой человек. Жестокая! Чугунное сердце!

Павел Флегонтыч. Опиши дряхлого, седого старика...

1-й молодой человек.

*Ты зри главу мою, лишенную во-
лос;
Их иссушила грусть и ветер их
разнес.*

Павел Флегонтыч. Изобрази черными красками их рубища, скажи, что если завтра утром они не получат помощи...

1-й молодой человек. Три тени явятся следующею ночью в спальню жестокосердных дам, и — тогда горе им! вампиры припадут к груди их... Но увидишь, что ни один Массильон не действовал так на своих слушателей, как твой слуга покорный. О! я чувствую в себе красноречие целой академии! *(Убегает.)*

Павел Флегонтыч. Ни один ростовщик не отдавал своих денег с такою ужасною лихвой! Подлинно, жидовские проценты! Она будет моею, или ничьей!..

Между тем, кадрили кончилась; танцевавшие расходятся в разные стороны, между прочими Гориславская и Медовицына садятся в гостиной на одном из диванов, ближе к авансцене. Первый молодой человек переговаривает с Гусыниной, потом горячо рассказы-

вает что-то гостям. Гусынина берет маленькую корзинку с этажерки и обходит с нею гостей, играющих в карты и прохаживающихся по гостиной. Сергей Петрович стоит, облокотясь на пьедестал Психеи и Амура, недалеко от Гориславской.

Гусынина (одному из играющих в карты за столом, ближайшему к Гориславской). Ваш кошелек на минуту. (Играющий дает свой кошелек. Гусынина высыпает из кошелька деньги в корзинку и потом возвращает его.) На доброе дело — бедному, умирающему семейству еврея. (Хозяин кошелька кланяется. Гусынина подходит к пожилой даме, играющей за тем же столом.) Не откажите, я знаю ваше доброе сердце.

Гусынина. Все-таки ближний наш и несчастный.

Пожилая дама (сердито). Более четвертака не дам. (Кладет монету в корзину. В это время подходит к Гусыниной несколько мужчин и кладут в корзину деньги разного вида.) Вздумала обирать нас для презренного жида; у нас свои бедные есть!.. Да еще подошла ко

мне после Дремухиной.

Молодая дама (лорнируя группу мужчин, стоящих близ нее, мужу своему). Wladimir, donnez quelque chose[4].

Муж. На что? сколько?

Молодая дама (с нетерпением). Mon Dieu, une monnaie, un billet... ce que tu veux, pour un malheureux juif et deux pauvres enfans[5]. (Муж кладет в корзину депозитку. До Гориславской доходят некоторые слова Гусыниной и гостей; грудь ее сильно волнуется, она в тревожном состоянии.)

Павел Флегонтыч (становится позади дивана за Гориславской, тихо ей). Вы желали мщениия?.. Оно не заставило себя ждать. (Гориславская ничего не отвечает; Павел Флегонтыч удаляется.)

Сергей Петрович (кладет свой кошелек в корзинку). Несчастье имеет нынче особый доступ к сердцу моему.

Гусынина. Вы подаете, не зная даже для кого.

Сергей Петрович. Мне кажется, доброе дело не требует отчета.

Гусынина. Я, однако ж, дам вам его. Прие-

хал какой-то бедный еврей Соломон из Белостока с двумя маленькими дочерьми, говорят, дивной красоты!.. Имена романические!.. одну зовут Рахиль... может быть, новая Рашель для нашей сцены... мы об этом помолчим. Другая... виновата, забыла...

1-й молодой человек. Вспомните жидовку из «Айвенго».

Гусынина. Ревекка!.. на память этой обольстительной еврейки!.. Думали найти в Москве помощь от богатой родственницы, которая всем обязана Соломону, и — нашли один бесчеловечный, жестокий отказ... Несчастные умирают с голоду.

Гориславская (*хватая Медовицynu за руку, тихо ей*): Помогите, ради Бога!.. Выведите меня... мне дурно... (*Падает без чувств на диван.*)

Гусынина (*в испуге*). Что с вами?.. Душа моя, ангел мой!.. (*Сергею Петровичу.*) Возьмите корзинку... позовите горничных... спирту! воды! что вздумается! (*Сергей. Петрович бежит опрочить в боковую дверь; любопытные со всех сторон окружают эту сцену; девицы стараются загородить собою Гориславскую.*) Боже мой! что я наделала!.. Воображала

ли? Какие слабые нервы!..

Один из гостей. Что такое?

Другой. Что сделалось?

Третий. Не мудрено, стягиваются в корсет насмерть.

Четвертый (*иронически*). Может, от любви.

Пятый (*заглядывая через девицу*). Как она хороша в этом положении.

Шестой (*тоже заглядывая*). Как будто ждет своего Пигмалиона!

(Приходят горничная и вместе с Медовицкой уносят Гориславскую в боковую комнату. Гости расходятся по комнатам и принимаются за прежние занятия. Сергей Петрович исчезает на некоторое время.)

Павел Флегонтыч (*бледный, дрожащим голосом Ипполитову, который проходит мимо него*). Ловко была пущена стрела и прямо в сердце! Видите, стрелок искусный не дает промаха!

Ипполитов (*схватив его за руку и отводя в сторону*). Слушайте. Это мне надоело; надо положить конец вашим проделкам. Между вами и ею есть ужасная тайна: вы должны открыть мне ее.

Павел Флегонтыч. Теперь и я скажу: это требование и дерзко и смешно.

Ипполитов. И я в свою очередь отвечу: ни дерзко, ни смешно, сударь, когда я вам объявляю, что от разгадки этой тайны зависит счастье моего друга. Завтра, в десять часов утра, я буду у вас и предложу вам на выбор: открыть мне эту тайну, или... если вы не подлец... разгадать тотчас на свинцовых жеремьях, вам ли молчать о ней молчанием смертным, или мне узнать ее в другом мире.

Павел Флегонтыч. Не прочь. Но прежде хочу доказать вам, что вина не на моей стороне. В три дня тайна сама собой скажется вашему другу. Если вы после трех суток потребуете от меня удовлетворения, я к вашим услугам.

Ипполитов. Буду ждать.

Сергей Петрович (*прибегая к Ипполитову*). Слава Богу, ей лучше!.. Она уехала домой... я успел ее проводить... Едем, мы обгоним их.

Ипполитов. Слабое существо! (*Уходя.*) Но мое дело предупредить отца твоего, а там что угодно.

АКТ III

Комната в квартире Виталиной.
Явление I

Гориславская (одна). Как я осталась жива!.. И зачем?.. чтоб несколько лишних дней проволочить тяжелую цепь, которою судьба меня опутала. Господи, зачем ты разом не сокрушил меня? Пошли мне скорее смерть, или я потеряю свой последний рассудок...

Не понимаю, что сделалось, когда мы въехали в Газетный переулок... Карета наша остановилась... отворяю окно... при свете фонаря увидела я отца Леандрова... Ипполитова.. и его... Он бросился к нашей карете, но Ипполитов удержал его... я услышала ясно: «Она того не стоит!» Потом раздался ужасный голос: «Пошел мимо, домой!» В этом голосе слышала я и насмешку, и какую-то злобу, но более всего презрение!..

Не понимаю ничего; голова моя идет кругом. Ужасная ночь! хоть бы на минуту заснула... Думала, день принесет малейшее облегчение — все одно... И ночью и днем те же ви-

дения... он, мой отец, худой, изнуренный, бледный, как мертвец, в рубищах... протягивает мне руку для подаяния... две девочки-нищенки бросаются к ногам моим и просят у меня куска хлеба... А там хохочут над жестокою дочерью бедного жида!.. Куда бежать мне от этих неотступных видений? *(Облокотившись на стол, склоняет голову на руки и дремлет, потом вздрагивает и вскакивает с кресел.)* Да, вот он — и теперь передо мною... Отец! чего хочешь от меня?.. Научи, что должна я сделать?.. Скажи... вымолви хоть одно слово. Денег?.. Возьми все, что у меня есть; все твое... Только удались; не терзай меня... *(Закрывает глаза руками.)*

Явление II

Гориславская и Павел Флегонтыч.

Павел Флегонтыч *(отворяя дверь, про себя).* Одна?.. плачет!.. К лучшему!.. Авось либо образумится, и возвратится ко мне... *(Громко.)* Наталья Ивановна!

Гориславская *(оборачиваясь).* Вы?.. пришли убить меня?

Павел Флегонтыч. Ради Бога успокойтесь... что с вами?

Гориславская. Что со мною? И вы спрашиваете!.. Чего хотите от меня после вчерашнего поступка со мной?.. Чтоб докончить его, стоило только войти ко мне с ножом в руке.

Павел Флегонтыч. Назовите этот поступок низким, жестоким, адским, если хотите; я сам, пожалуй, так назову его. Теперь имена для меня ничего: я смотрю на дело. Но я спрошу вас самих, не вы ли виною моего сумасбродства? не вы ли довели меня до последней крайности? С того времени, как вы меня знаете, видали ли что-нибудь подобное от меня? падали ли когда-нибудь на вас хоть тень оскорбления? Вы назвали меня своим женихом; вы обручены со мною уже два года пред лицом Бога, которого призывали в свидетели ваших обетов. Правда ли?

Гориславская. Не могу сказать: нет!

Павел Флегонтыч. Вы позволили мне любить вас любовью человека, который скоро должен был назвать вас именем супруги — и я полюбил вас такую любовь доверчиво, страстно, уверенный, что ваше сердце и рука

не могут никому принадлежать, кроме меня. И ждал я в этой уверенности, покорный вашей воле; я ждал минуты, когда вам самим угодно будет разрешить мои надежды. И что ж?.. Приезжаю сюда... мое место занято, сердце ваше передается другому, минутному гостю в вашем доме, руку вашу вырывают из моей руки... Нет, этого нельзя было выдержать!.. Неужели вы думали, что так легко, без боя, отдам сокровище, которое мне принадлежит по всем правилам? Одно дорого мне; спор за него должен быть ужасен; он начался... каков может быть далее, вы видели вчера поначалу!

Гориславская. Если вы хотите, я виновата во всем, в чем вы меня обвиняете. За то мщение было ужасно... Неужели вы не могли мстить с большим благородством?

Павел Флегонтыч. Душа, переполненная оскорблений и унижения всякого рода, не разбирает средств. Отдалите моего соперника, уничтожьте его надежды, и я — опять покорный вашей воле, вашим малейшим желаниям, я опять готов ждать... год, два, целую вечность, лишь бы вы не принадлежали ни-

кому, кроме меня.

Гориславская. Я уж все сделала, что вы желаете. Сергей Петрович просил руки моей, и я решительно отказала. Чего ж более хотите от меня?

Павел Флегонтыч. Вы отказали? но вчера все было приготовлено Леандровым, чтоб увезти вас с вечера Гусыниной; люди ваши были подкуплены, в деревне за десять верст от Москвы хотели обвенчать вас с Сергеем Петровичем, и все это без вашего согласия?

Гориславская. Меня?.. увезти?.. обвенчать!.. может ли статья?

Павел Флегонтыч. Это так верно, как вы теперь видите меня перед собою. Я все знаю... Подозреваю, что сама Софья Андреевна была в заговоре. А вы... будто и не знали?

Гориславская (в сторону). А! понимаю теперь... Доброе, чудное существо! Вот почему убирала меня она на вечер с такою заботливостью, с такою нежностью благословляла меня; вот почему сказала мне: «Не бойся, если с тобою случится что-нибудь чрезвычайное, и будь счастлива».

Павел Флегонтыч. Вы ничего не говорите;

вы, конечно, сокрушаетесь об этой неудаче?

Гориславская. Что скажу вам? я решительно ничего не знаю. Если б тут было мое согласие, не готовилось бы и тайного похищения.

Павел Флегонтыч. Правда, верю вам.

Гориславская. Но... видите... ничего не состоялось... слово «жидовка» их, конечно, испугало... не так ли?

Павел Флегонтыч. Нет, они еще этой тайны не знают и не будут знать, если вы навсегда решительно откажетесь от моего соперника... даю вам слово.

Гориславская. Я уверена... вчерашний поступок ваш был одна вспышка мщениия... Простите, я виновата...

Павел Флегонтыч. Так вы откажетесь от него... навсегда?..

Гориславская (в испуге прислушивается). Карета подъехала к крыльцу... Софья Андреевна возвратилась... минуты дороги... Я имею до вас просьбу... сжальтесь надо мною. Вы сказали, что отец мой здесь... Если в вашем сердце есть хоть искра любви ко мне, умоляю вас ею, всем, что для вас дорого и свято, скажите мне,

где найти мне отца. Во что б ни стало, я хочу его видеть.

Павел Флегонтыч. Что отец ваш здесь, в Москве, я клянусь вам Богом; но... он должен остаться для меня залогом вашего слова. Никто, кроме меня и моего отца, не знает его квартиры, никто, кроме меня, не укажет вам ее, в этом даю вам также свое слово.

Гориславская. Научите, что ж должна я сделать... как дойти к нему?..

Павел Флегонтыч. Найти возможность быть ныне в семь часов вечера в Садовой, у Сухаревой башни... Возьмите с собою Медовицыну, скажите ей, что вы хотите посетить бедное семейство... одни, без свидетелей... Знаю ваше прекрасное сердце — это случается с вами не в первый раз... Выйдите из кареты... на углу переулка будут вас ждать... Если вы доверяетесь чести моей, я сам провожу вас к вашему отцу, но, проводив, оставлю вас.

Гориславская (*про себя*). Тайно от татан?.. Что мне делать? Что ни будет, я должна его видеть. (*Вслух.*) Доверяюсь вашей чести — буду... Еще одна просьба... отдайте другим бедным.

Павел Флегонтыч. Понимаю вас... исполню ваше желание! (*Слышен голос: «Кто пустил его? я запретила».*) С уговором молчать обо всем.

Явление III

Те же и Виталина.

Виталина. Зачем пожаловали?.. кто вам позволил?

Павел Флегонтыч. Вход в ваш дом был для меня свободен. Я пришел к своей невесте.

Виталина. Невесте?.. после вчерашнего поступка вашего? Все знаю, сударь! Отныне все связи наши, все обещания разрушены. Вы сами их уничтожили. Забудьте, что мы когда-нибудь существовали. Властью матери запрещаю ей иметь какие-либо сношения с вами: власти этой над нею, надеюсь, никто не отнимает у меня; хозяйкой дома вы, кажется, позвольте мне быть у себя. И потому вход ко мне запрещен вам и отцу вашему. Я уж об этом писала ему.

Павел Флегонтыч. Вы сами дали мне одну неделю сроку на известное вам испытание...

ваше слово..

Виталина. Я давала его человеку благородному... извините меня... Ждать неделю? Да вы в один день найдете искусство убить ее: ваша душа, ваш ум, гениальные на зло, изобретут средства разом отравить свою несчастную жертву. Кинжал и яд нынче не в употреблении, но их заменили другие средства, которые искуснее убивают. Что бы ни было, кончено между нами! Слышали? *(Указывает на дверь.)* Или вы желаете?.. *(Хватает со стола звонок.)*

Гориславская *(удерживая ее).* Ради меня, пощадите.

Павел Флегонтыч. Повинуюсь, но предупреждаю вас... вы сами позовете меня. *(Уходя, про себя.)* Как бы мне увидеть Медовицыну? Подкараулю, когда эта гордая барыня уедет со двора.

Явление IV

Виталина и Гориславская.

Виталина. Для чего приходил? Что говорил с тобою?

Гориславская. Он извинялся, что вчера оскорбил меня, говорил, что причиною одна любовь...

Виталина. Низкие души никогда не знают этого чувства. В нем только один эгоизм — ужасный эгоизм, готовый на все, чтоб только удовлетворить себя. Не говорил чего об отце твоём?

Гориславская. Сказал, что он здесь... что...

Виталина. Не верь; это жестокая выдумка! я везде отыскивала и нигде не нашла. Еще что?

Гориславская. Еще сказал, что вчера Леандров хотел увезти меня с вечера Гусыниной, чтобы... Душа моя, ты была в заговоре. *(Целует ей с нежностью руку.)*

Виталина. И здесь этот злой гений стал на дороге твоего счастья!..

Явление V

Те же и слуга.

Слуга. Полицейский чиновник из части.

Виталина. Ты послал бы к управителю.

Слуга. Говорит, имеет дело до вас лично.

Виталина (*смутившись*). Зови. (*Слуга уходит.*) Наташа, оставь нас, может быть, какое-нибудь дело по дому, которого ты не должна слышать.

Гориславская. Господи! уж не на счет ли мой? (*Уходит.*)

Виталина. Я никогда не имела дела с полицией... что-нибудь необыкновенное.

Явление VI

Виталина и полицейский чиновник.

Полицейский чиновник. Смеею спросить, вы госпожа Виталина, Софья Андреевна?

Виталина. Точно так.

Полицейский чиновник. Извините, может быть, беспокоил вас... что ж делать? Мы люди должностные, обязаны исполнять приказания начальства.

Виталина. Без оговорок, что вам угодно?

Полицейский чиновник. У вас есть воспитанница Гориславская?

Виталина. Есть, так что ж?

Полицейский чиновник. В частной книге-с она числится дочерью чиновника 14-го

класса.

Виталина. Точно так.

Полицейский чиновник. Извольте видеть, выходит оказия... сделан донос, что она... не прогневайтесь, не я так называю ее... что она жидовка, даже некрещеная, и фальшиво называется дочерью чиновника.

Виталина (в смущении). Это ложь, клевета! Я знаю, из какого источника она вышла.

Полицейский чиновник. Мы и сами так думаем-с, какие-нибудь шуры-муры. Стоит только представить актец о рождении и крещении госпожи Гориславской, ничего более-с.

Виталина (про себя). Что мне делать? Акт о крещении явно обнаружит, что она дочь жида, а я выдавала ее за дочь чиновника. Это запутает меня в дело, может быть, уголовное. Теряю голову. Надо хоть время выиграть... (Вслух.) Вот видите, мой муж был военный, законов хорошо не знал, я женщина, я подавно... когда мы брали на воспитание от чиновника Гориславского дочь его, мы не подумали взять акта о крещении... взяли одно свидетельство, что она дочь его.

Полицейский чиновник. Так пожалуйста свидетельство.

Виталина. Оно... у меня... в саратовской деревне... я его выпишу и по получении... тотчас доставлю. Довольны ли?

Полицейский чиновник. Пожалуйста письменное объяснение.

Виталина. Разве вы мне не верите?

Полицейский чиновник. Не смею не верить, сударыня, но дела не делаются на словах. Кстати (указывая на письменный стол), здесь все готово для писания... Две-три строчки, и я более вас беспокоить не буду.

Виталина (*сидя за письменный стол, в сторону*). Господи! надо ложь мне подтвердить письменно. До чего я дожила? (*Написав объяснение, складывает руками бумагу и отдает ее полицейскому чиновнику.*)

Полицейский чиновник. Будьте покойны. Когда изволите получить требуемый акт, вы представите его куда следует. (*Раскланивается и уходит.*)

Явление VII

Виталина *(одна)*. Что я сделала?.. я сама наложила на себя руки... В мои лета, какое безрассудство!.. Куда это поведет меня? Чем это все кончится?.. Судьба запутывает нас более и более. В зависимости от презренных Мухоморовых, от каждого полицейского чиновника, Бог знает еще от кого; беспрестанно лгать, беспрестанно обманывать и стараться скрыть обман, ожидать каждую минуту, что откроется фальшивое звание Наташи... нас будут судить... Не уйти от позора!.. Какая ужасная будущность!.. с кем посоветоваться? К кому прибегнуть? Везде низкие, продажные души. *(Задумывается.)* Светлая мысль блеснула в голове моей. Открою все Ипполитову; этот человек благороден в высшей степени... я уверена в нем, как в себе самой... Зоркий ум его, прекрасное сердце мне помогут... Пускай делает с нашей тайной, с нашим стыдом, что придумает! *(Уходит.)*

Явление VIII

Медовицына *(входя, прислушивается)*. Обещал быть здесь, когда Софья Андреевна

уедет... Вот и укатила!

Странно все, что здесь делается! От меня прячут какую-то тайну... Замечаю что-то необыкновенное между Мухоморовыми и Натали. Особенно вчерашний вечер доказал мне это... Сейчас приходил полицейский с какими-то секретными розысками; Софья Андреевна необыкновенно смущена... Что бы ни было, а я обязана помогать Мухоморову. Унижена, презренна... мщение! мщение!

Явление IX

Медовицына и Павел Флегонтыч.

Медовицына. Что вы хотели от меня?

Павел Флегонтыч. В ваших руках теперь судьба моя.

Медовицына. Приказывайте, я готова все исполнить.

Павел Флегонтыч. Уступки ни к чему не ведут. Надо разом покончить. Вчера вы сами видели опыты моего тайного влияния на нее...

Медовицына. Которого я однако ж не понимаю.

Павел Флегонтыч. Теперь не время объяснять эту тайну. Сергей Петрович также видел... кажется, довольно бы для него... Что ж? понегодовал голубчик и — посмотрите — опять нынче ж будет у ног очаровательницы. Вы одни можете открыть ему глаза.

Медовицына. Без загадок, говорите скорее. Повторяю, что я готова все исполнить, хотя бы стоило броситься в пропасть.

Павел Флегонтыч. Будет стоять только нескольких капель чернил да прогулки к Сухаревой башне.

Медовицына. Хоть в трущобу, говорю вам.

Павел Флегонтыч *(подавая ей бумажку).* Спишите посекретней эту записку и пошлите ее поскорее от себя к Леандрову сыну.

Медовицына *(читает записку).* «Платите за мою привязанность равнодушием, за преданность — неблагодарностью, я не изменю обету, которым поклялась, лишь только вас увидела; я и вдали от вас, изгнанница из рая, которого сладости дали мне видеть одно мгновение, не думаю уж о своем благополучии, а помышляю только о вашем. Оградить вас от зла для меня высшее блаженство. Что

ж, когда дело идет о счастье целой вашей жизни? Вы любите другую... вы уверены в любви ее к вам — обман, коварный обман! Я должна, я обязана открыть вам глаза... это мой долг, хотя бы судьба заклала меня у алтаря, которому я посвятила свое служение». *(Целует записку.)* Прекрасно! как будто я сама диктовала. *(Читает далее.)* «Очарованные ее красотой, с мнимыми душевными качествами, вы не могли оградить от них свое сердце. Не верьте ей, она связана тайными узами с другим. Вспомните, Павел Флегонтыч воспитывался вместе с нею, был четыре года ее женихом... я видала не раз их нежные отношения... этого мало: они тайно видались... в чужом доме». Но это клевета, суцая клевета! это уж слишком много!..

Павел Флегонтыч. Так вот ваши жертвы, ваши великие слова! Сильная, железная душа!.. Подите! где вам делать серьезные дела, где вам любить — вы умеете только сантиментальничать!..

Медовицына. Простите, простите, это была только минутная слабость. Я докажу, что достойна моего призвания — я решусь и на

преступление, лишь бы мне отмстить за коварство, за насмешки над моею любовью! (Читает далее.) «Эта чудная, таинственная связь заставляет ее покоряться его воле. Она, может быть, и любит вас, но в то же время боится своего жениха... Никто не поверит этому, тем более вы. Но не осуждайте меня прежде времени. Хотите доказательств?.. Ныне, в семь часов вечера, он приказал ей быть близ Сухаревой башни, при повороте в Черствый переулок,— в какой дом, не знаю. Она будет. Угодно? вы увидите ее с ее властелином».

Да, я спишу эту записку и пошлю к нему, даю вам самое святое слово.

Павел Флегонтыч. Наталья Ивановна будет ныне просить ехать с нею... к Сухаревой башне... скажет вам, что она должна, тайно от своей благодетельницы, посетить бедное семейство... Не отказывайтесь, поезжайте. В продолжение дня старайтесь с нею сблизиться, наденьте личину дружбы, готовой на все жертвы... поклянитесь ей в сохранении тайны честью, благодарностью, Богом... У Садовой, близ Сухаревой башни, она выйдет одна из кареты; люди пускай останутся у экипа-

жа... я встречу ее в первом переулке... Оставьте нас тогда одних на полчаса...

Медовицына. Не понимаю вашей власти над нею, но понимаю, что в письме моем к Леандрову, в вашем намерении заключается какая-то адская штука... и я повинуюсь вам. *(Подает ему руку.)* До лучших минут, союзник мой! *(Уходит.)*

АКТ IV

Улица с Садовой на Сретенский бульвар; виден переулок; на углу влево церковь, за домами высится Сухарева башня.

Явление I

Сергей Петрович и Ипполитов останавливаются подле дома с вывескою сапожника, у фонарного столба.

Сергей Петрович. Чудное место выбрано для прогулки!.. Маленький, нечистый переулок, где живут швеи, цыгане, жидаы... И здесь будет она одна с ним?.. Нет, это ложь, святотатство!.. Они хотят меня с ума свести.

Ипполитов. Если б не вечер у Гусыниной, и я сказал бы то же.

Сергей Петрович. Дай, еще раз прочту для куражу дорогие строчки! *(Вынимает письмо из жилетного кармана и пробегает его.)* «Эта чудная, таинственная связь заставляет ее покоряться, его воле...» Таинственная связь? А! увидим!.. *(Пробегает еще письмо.)* «Хотите доказательств? Ныне, в семь часов вечера, он приказал ей быть...» Хочу ли? Вот я и здесь,

ровно в семь часов, мамзель Медовицына! Верен рыцарь вашему призванию!.. Но берегитесь... если не найду их вместе, я приволоку вас к ногам ее, как подлую клеветницу.

Иполитов. Отсюда видно кто идет и едет по Садовой и переулку.

Сергей Петрович. Прекрасно!.. бесподобно!.. Настоящий раек!.. О! глаза мои поймают теперь и муху, которая перелетит через переулок. Какая перспектива домиков! Все обители невинности и добродетели!..

Иполитов. Как будто знакомая карета едет по Садовой.

Сергей Петрович. Карета их; узнаю ее между тысячи. Остановились... из нее выходит *она!*.. Дает знать человеку чтобы за ней не следовал... У угла встретил... *он...* ее любезник!.. Не пойти ли им навстречу? не убить ли ее позором?..

Иполитов. Вспомни, что сказали тебе дома: «Не забудь *там*, что у тебя есть отец, который никогда не обманывал твоей любви, который умрет с горя, если ты позволишь себе какие-нибудь крайности».

Сергей Петрович. Правда, теперь одно

презрение! Из чего же горячиться?.. Какое имею право?.. Она невеста его, обручена с ним, а я... что ей?.. Пококетничала со мной... разве это первая? Мне сказала ни да, ни нет... Недаром плакала!.. И что ж мне в сердце, измятом пятилетней связью с женихом? Пускай любезничают, сколько душе угодно; я им не помеха; я сам отретируюсь в добром здоровье и пожелаю им безмятежного счастья, ненарушимых восторгов... Только посоветую поскорей к венцу... мы с тобою будем шаферами, не правда ли?

Ипполитов. Они подходят ближе; спрячемся на дворе этого дома; здесь живет мастеровой. Сквозь худые ворота увидим, как они пройдут мимо и куда.

Сергей Петрович. Дай мне руку; я слаб как ребенок. *(Ипполитов отворяет калитку и увлекает за собою Сергея Петровича.)*

Явление II

Те же, Гориславская и Павел Флегонтыч.

Гориславская *(чрезвычайно встревоженная, со страхом оглядывается; ее ведет под*

руку Павел Флегонтыч и несет узелок). Сердце ужасно замирает. Земля горит подо мною. (Слышен из-за ворот голос Сергея Петровича: «Проклятие!») Боже!.. Как будто знакомый голос!

Павел Флегонтыч. Здесь живут мастера-вые... может быть, драка... Пойдем скорее. (Ускоряет шаги. Они входят в переулок и останавливаются у одного ветхого домика с мезонином. Павел Флегонтыч дает знак тремя ударами. Им отворяют калитку.)

Гориславская. Вы здесь, по условию, оставите меня.

Павел Флегонтыч. А назад?

Гориславская. Я одна дойду до экипажа; благодарю вас.

Павел Флегонтыч. Счастлив по крайней мере, что исполнил ваше желание. (Гориславская входит в калитку; он останавливается у нее.) Останусь здесь на минуту, будто оглядеть, не подсматривает ли кто за нами, а там шмыгну на двор и в заднюю калитку. Дозорщики пускай уверятся, что я вошел с нею. (Входит в калитку.)

Сергей Петрович (выходя с Ипполитовым

со двора мастерового). Ты слышал?

Ипполитов. Слышал: «Сердце ужасно замирает. Земля горит подо мною». Лукавый поймет их лукавые речи. Пойдем; ты видел сам... чего ж более?

Сергей Петрович. Хочу только узнать, чей этот дом, кто в нем живет.

Ипполитов. И потом войти в него, и потом сыграть блистательную сцену ревности?..

Сергей Петрович. Нет, я до этого не унижусь. Говорю тебе: хочу только знать, чей дом, кто живет в нем. Завтра, при прощании, свидетельствуя ей мое глубочайшее почтение, покажу ей, что я посвящен в элевзинские ее таинства... более ничего, поверь. *(Оба подходят к дому, в который вошла Гориславская. Ипполитов стучит палкою в окошко нижнего этажа. Из окна выглядывает мещанка Сокова.)*

Явление III

Ипполитов, Сергей Петрович и Сокова.

Сокова. Что за сорванцы? Ну, что вам!

Ипполитов. Чей это дом?

Сокова. Мой.

Ипполитов. Да вы кто такие, матушка?

Сокова. Мещанка Сокова, батюшка.

Ипполитов. Отдаются квартиры?

Сокова. Только не по вас.

Ипполитов. Да какие ж люди у тебя живут?

Сокова. Внизу приказный, а вверху, в каморке, жид.

Ипполитов. А барышня, что пришла сюда с молодым человеком, часто приходит к тебе в дом?

Сокова. Разве я караульщица у своих постояльцев? Вижу, вы шематоны какие-нибудь: убирайтесь-ка подобру-поздорову. *(Затворяет окно.)*

Ипполитов. Спасибо и на этом! *(Удаляются от дома.)*

Сергей Петрович. Слава Богу! теперь голова моя свежа... сердце на месте!.. *(Останавливается и, оборотившись к дому Соковой, делает знак рукой.)* Прощай, прощай! желаю тебе безмятежных наслаждений с твоим нареченным... Будь уверена, что не я приду нарушить их. Правду вы изволили сказать некогда: «од-

но слово разрушит вашу клятву». Еще бы вернее сказали: один взгляд охолодит всю вашу любовь. Давно бы так! Медовицына, тебе обязан я своим спасением. Чудная была бы жена эта Наталья!.. как бишь по отчеству?.. (*Немного погодя*). Странно! я перестал любить, а мне все-таки еще жаль ее. (*Плачет, оба удаляются.*)

Явление IV

Бедная каморка; стены голые; окна покривились; в некоторых, вместо стекол, бумага; стол, скамейка, два стула и кровать с задернутыми холстинными занавесками; одна дверь с левой стороны, другая направо, на чердак.

Гориславская, Соломон, Рахиль и Ревекка.

Гориславская (*у дверей, про себя*). Я задыхаюсь... ноги отказываются идти... Страшно! здесь преследовал меня голос Ипполитова, там, в переулке слышалось мне проклятие его друга... Видно, все мне чудится... голова моя расстроена. (*Немного погодя*.) Какая ни-

цета!.. Воображение не сказало мне ничего лишнего.

Рахиль (*увидев ее, толкает отца*). Какая-то хорошенькая барыня пришла.

Соломон (*вскакивает со скамейки*). Что вам угодно, сударыня?.. вы больны?..

Гориславская. Да... (*Садится на стул в изнеможении*.) Мне надо отдохнуть, чтоб собраться с силами. (*Ставит узелок на стол*.) Я помешала вам... вы ужинали. Боже! один черствый хлеб!

Соломон. Благодарение Богу, когда он посылает и эту пищу. Иногда и хлеба не бывает.

Гориславская (*развернув узелок*). Дети! милые! подойдите ко мне... (*Рахиль и Ревекка подходят к ней без боязни; Гориславская целует их и дает им пирожков*.) Заешьте сладким горечь вашего ужина.

Рахиль (*откусывая от пирожка, отцу*). Откуси; как хорошо!

Ревекка. И от моего.

Соломон. Мне... есть не хочется.

Гориславская. Вот еще, чтоб вы не ели один хлеб. (*Дает Рахиле кошелек с деньгами*.)

Рахиль. Мне?.. Нам?.. (*рассыпает золото*

из кошелька на стол). Смотри, тате, все золото!.. То-то накупим себе говядины и пирожков!

Соломон (который во все время разговора Гориславской с детьми всматривался в нее с недоумением и любовью). Сударыня... ваше лицо... вы так похожи на Рахиль мою... Неужли глаза и сердце обманывают?.. Скажите, кто вы... или я не вынесу долее.

Гориславская (бросаясь к нему на шею). Отец!.. обними свою прежнюю Эсфиру.

Соломон. Дочь моя!.. Эсфира, милая Эсфира... Наталья Ивановна!..

Гориславская. Сестры!.. ко мне, мои милые!.. дайте расцеловать вас. (Целует их с нежностью.) Теперь я вас не оставлю. Какие пригожие! какие душки! Еще, еще!.. Подождите, я принесла вам гостинца. (Вынимает из узелка богатые серьги и вдевает их в уши сестер.) Теперь, в этом наряде, вы будете еще пригожей.

Рахиль. Неужели сестрица наша?.. Ах! какие вы хорошенькие и добрые! Ревекка, где же у нас был кусочек зеркала? (Находят кусок зеркала и любуются в нем одна за другой.)

Гориславская (*Соломону*). От чего ж у вас такая бедность?

Соломон. Мы не ждали ее... нам было обещано многое... вы помните.

Гориславская. Мы всегда посылали обещанное.

Соломон. Через кого?

Гориславская. Через Мухоморова, отца.

Соломон. Мы не получили и десятой доли.

Гориславская. Злодей! как он обманывал нас! О, не одних вас они губили, и мне от них тяжело достается! Без них я могла бы быть счастлива.

Соломон. Бог им заплатит!

Гориславская. Забудьте все прошлое. Теперь я вас не покину! у вас будет все, чтоб жить в довольстве. Но скажите... вы не проклинали меня?

Соломон. Проклинать свою кровь? Боже меня сохрани!.. Я тебя знаю, ты всегда была такая добрая; я уверен был, какие-нибудь плутни от Мухоморова. Колено злое, негодное!

Гориславская. Здесь, в груди моей, они поселили змею... грызет сердце, невыносимо

грызет. Но зачем отравлять настоящие минуты? *(Подходит к отцу и берет его за руку.)* Вы теперь довольны, счастливы, не правда ли?

Соломон. Так доволен, так счастлив, хоть бы сейчас умереть, если бы не эти дети. Еще скажу тебе... я задумал давно, я приготовился и теперь решился... быть христианином, как ты...

Гориславская. О, если бы так... Господи, подкрепи вас на это великое дело. *(Слышен стук в ворота.)*

Соломон. Боже! стучат... я забыл от радости, что он обещал быть ко мне.

Гориславская. Кто?

Соломон. Мухоморов, отец.

Гориславская *(в сторону)*. Я пропала. Они завели меня в западню.

Соломон. У них худые замыслы; они хотят принудить меня сказать, что ты дочь моя.

Гориславская. И вы?

Соломон. Скорей убьют меня. Идут... слышно, отворяют внизу дверь. Спрячьтесь поскорей сюда, на чердак. *(Отворяет боковую дверь; Гориславская через нее скрывается.)* Приберу золото, а то могут догадаться. *(Убира-*

ет с поспешностью деньги в кошелек, прячет его за пазуху и укладывает детей на постель.) Смотрите, будто спите; хоть пили вас, ни гу-гу об ней. (Задергивает занавес у кровати, потом садится у стола и, облокотясь на него, притворяется спящим.)

Явление VI

Те же, Мухоморов и Банников. Банников несет портфель под мышкою.

Мухоморов (отворяя дверь, тихо). Вот актер-то! Будто спит, наверно разыгрывает штуки... Да неужели мы двое русачков не обманем одного жида? (Громко.) Эй, приятель! разве спят, когда дожидаются благодати? Полно тебе сухари есть, полно жить в такой конуре и в лохмотьях ходить.

Соломон. Ах, какие же вы добрые! верно принесли мне работу.

Мухоморов. Работать, когда есть богатая дочка, которая может тебя озолотить!

Соломон. Дочка?.. богатая?.. Уж не во сне ли слышу? Мои две девочки такие же нищие, как и отец их.

Мухоморов. Ну, полно притворяться, старый хрен. Ведь ты мне вчера сам обещал. Недаром же выписал я тебя из Белостока. *(Тихо, указывая на своего товарища, который в это время осматривает все в комнате и заглядывает за занавес кровати.)* Его нечего бояться, это мой. Вот видишь, я пришел с тобой рассчитывать. А ты, чай, думал, неверная голова, что я тебя обобрал дескать. Нет, так с приятелями за кровные услуги не делают. Для тебя ж, дружище, на черный день копил. *(Вынимает бумажник.)* На, бери, считай сам, сколько тебе по договору следует. Только не взыщи... люблю аккуратность... пожалуй расписочку.

Соломон *(не принимая бумажника).* По какому уговору? Помилуйте, я для вас ничего не сделал.

Мухоморов. Для госпожи Виталиной и меня; ей дочку подарил, а мне невестку... ну Гориславскую-то.

Соломон. Виталину знавал я в Белостоке; госпожа милостивая — и нынче мне поможет, лишь бы добратся до ней. Но дочку... Гориславскую! Уж не подкинуть ли ко мне хотите какую сиротиночку? Вы меня нарочно с

ума сводите какою-нибудь штучкой.

Мухоморов. Так ты денег не хочешь, старый плут? Подумай, ведь тут три тысячи...

Соломон. Три тысячи!

Мухоморов. Три тысячи, да еще знатную сумму получишь, коли сделаешь по-нашему.

Соломон. Боже! какое богатство!

Мухоморов. Ну, полно кобениться, возьми... сними камень с совести... Ох, ох, тяжело!

Соломон (в сторону). Нет, не продам свою кровь! (Вслух.) На что мне деньги, коли не знаю, за что дают?

Банников (осматривает стол и поднимает с него золотую монету). И в самом деле, на что ему деньги, коли у него золотые валяются по столам?

Мухоморов. А-га? вот что!.. Откуда взял, окаянный?

Соломон (в испуге). Золотой?.. какой золотой? Грех вам, вы сами подкинули.

Мухоморов. Плутуют! сейчас фортель нашел.

Банников. Да не поможет! Мы потащим его в полицию; свидетели налицо, в допросец его по форме, поганого нехристя! (Раздвигает

занавеску у кровати.) Эге! посмотри, какие богатые сережки у дочек. Откуда появилось вдруг такое богатство?

Соломон. Сережки... да... сережки... пожаловал вчера... сам этот господин.

Мухоморов (*тормоша его за грудь*). Я?.. Ах, мошенник! я задушу тебя и ответу не дам.

Соломон. Делайте со мною, что хотите, я ничего не знаю.

Банников. Вот мы девчонок допросим (*толкает детей*). Эй, вставайте, жидята! (*Тащит Рахиль к Мухоморову; Ревекка в слезах идет за ними.*)

Соломон (*отталкивая Банникова, отнимает у него Рахиль; усилия с той и с другой стороны удержать ее; дети плачут*). Дети чем виноваты? Вы ее сделаете уродом.

Банников. Хоть бы и так! Эка беда! Говори, кто дал вам сережки? Ну! (*Рахиль молчит*.) Не увернетесь, змеята! в тюрьме допросят голубчиков, в тюрьме...

Мухоморов. Да обыщем-ка его, братец; может, у него еще кое-что найдется. Откуда ж золото валяется?

Банников (*обшаривая Соломона*). Тут что-

то толстенъко.

Соломон. Это грабеж... я закричу, позову на помощь...

Мухоморов. Прибежит хозяйка — новый свидетель... Она знает, что у тебя гроша не было... я и в квартире за тебя поручился.

Банников (*вынув с усилием кошелек из-за пазухи Соломона*). Целый кошелек с золотом... Все представим; скажешь, откуда взял.

Соломон. Помилуйте, не погубите; я при-творялся, что бедняк... это мои деньги, копил всю жизнь свою для этих несчастных.

Рахиль и Ревекка (*на коленях*). Помилуйте.

Банников. А вот сейчас помилуем. Подпиши, что Гориславская дочь твоя — и деньги отдам и концы в воду.

Соломон. Знать не знаю.

Мухоморов (*схватив его за грудь*). Говори, мошенник, не то в тюрьму, сгниешь там и с своим отродьем, как червь поганый.

Соломон. Сжальтесь; у вас у самих, может статья, есть детки.

Мухоморов. Объяви.

Соломон. Режьте тело хоть по кусочку, пи-

лите меня, знать не знаю.

Банников. Так потащим их в полицию с кошельком и сережками; улика налицо. В последний раз скажи, что дочь твоя...

Гориславская (в испуге выбегает из боковой двери и загораживает собою отца и сестер). Дочь его, дочь... я сама... Прочь от них, презренные люди!

Мухоморов (Банникову). Наталья Ивановна Гориславская, извольте засвидетельствовать, ваше благородие.

Банников (вытаскивает из портфеля чернильницу, перо и лист бумаги, садится за стол и пишет).

Гориславская. Да, пишите, Гориславская — дочь еврея Соломона. Куда идти, крокопийцы? где еще объявлять об этом? В полиции, в суде, на площади, в храме что ли? Везде, всенародно огласить? Пойду с ними рука об руку и везде, кому нужно знать, скажу: вот этот старик, еврей, мой отец, эти две девочки — мои сестры! Довольны ли вы?

Банников. Нам нужно только, чтоб вы подписали эту записку, и тогда мы оставим господина Соломона и детей его в покое.

Гориславская. Давайте. (Прочитав, подписывает бумагу.) Теперь возвратите деньги моему старику (Банников возвращает Соломону кошелек) и прочь отсюда; я признала своего отца и отрекаюсь от жениха Мухоморова. Прощайте.

Мухоморов. Что ж делать? Прощайте. (Кивает Банникову, чтоб он выходил; в двери.) Жаль только Софью Андреевну...

Гориславская. Жаль Софью Андреевну... что он хотел этим сказать?

Соломон. Ох, ох, ох! Наталья Ивановна... боюсь говорить; вы и так много горя терпите.

Гориславская (в испуге). Не может ли она пострадать?

Соломон. Да, вы своею подписью губите ее.

Гориславская. Ее?.. мою благодетельницу, мою вторую мать?.. Я?.. как, чем?.. Говорите.

Соломон. Она вас называла дочерью чиновника Гориславского, а вы сами, письменно, признали меня своим отцом. Им, этим разбойникам, только этого и хотелось. Ее засудят, лишат доброго имени.

Гориславская. Лишат доброго имени?.. И я

буду виною ее бесчестия, ее гибели... за то, что она хотела составить мое счастье!.. Нет, я не допущу до этого!.. Воротите их!

Соломон. Что вы хотите делать?

Гориславская. Сама не знаю; только, ради Бога, поскорей воротите. *(Соломон убегает; после нескольких минут раздумья, она становится на колени.)* Господи, Отец милости и любви! благодарю Тебя, что внушил мне благую мысль. Ты один читаешь в моем сердце, Ты один знаешь, как я любила его, как я дорожила его любовью... все, все в жертву теперь; больше Ты ничего не мог потребовать от меня; тут моя жизнь. *(Встает. Мухоморов, Банников и Соломон возвращаются; она отводит Мухоморова в сторону.)* Флегонт Парфеныч....

Мухоморов. Что вам угодно?

Гориславская. У вас моя записка?

Мухоморов. У меня.

Гориславская. А если я дам вам на место ее другую?

Мухоморов. Какого содержания, позволите спросить?

Гориславская. Все, что вы делаете со мною, с отцом моим, с моею благодетельни-

цей — все это для того, чтоб заставить меня идти за вашего сына; так ли?

Мухоморов. Да, для того, чтоб заставить исполнить ваше обещание.

Гориславская. Так я иду за вашего сына. Возьмите с меня какую угодно клятву, продиктуйте мне ее сами — я вам напишу слово в слово... хоть кровью моей... и тогда...

Мухоморов. И тогда я возвращу вам прежнюю расписку; Софья Андреевна будет спасена от бесчестия, и все канет в воду, будто ничего не бывало.

Гориславская. Спасена! О, слава Богу, спасена! *(Указывая на Банникова).* А он?

Мухоморов. Будет молчать: он брат жены моей.

Гориславская. Давайте бумаги. *(Мухоморов берет у Банникова прибор для письма и ставит на стол; Гориславская пишет дрожащею рукой.)*

Мухоморов. Прибавьте: за коллежского асессора... не позже недели.

Гориславская. Да, за коллежского асессора. *(Подает записку.)* Довольны ли?

Мухоморов *(читает).* Лучше не надо. *(Воз-*

вращая ей прежнюю записку, хочет поцеловать у ней руку, но она отрывает ее.) Я хотел на мировую...

Гориславская (указывая на записку). И без того здесь, в этой записке — мир вечный. (Обнимает с нежностью отца.) Прощайте, может быть, в последний раз; я вас не оставлю, где бы ни была.

Рахиль. Нет, приходи, приходи еще.

Гориславская (Мухоморову). Теперь проводите меня до кареты. (Уходит; Соломон и дети провожают ее и плачут.)

АКТ V

Комната в доме Виталиной.
Явление I

Виталина и Гориславская. Виталина сидит на диване, Гориславская стоит перед ней.

Гориславская. Ты все грустна, друг мой, ты страдаешь; но успокойся: скоро конец всем этим страданиям. Я решилась идти за Мухоморова, и это решение... никто... разве один Всемогущий Бог переменит,

Виталина. Что с тобою сделалось? От чего вдруг такая перемена.

Гориславская. Ничего, все по-старому!.. И ты, и я дали свое слово; слово это должно быть ненарушимо. Дочь жида... понимаешь... не может быть за Леандровым. Павел Флегонтыч мой жених; я обручена с ним, он мною не гнушается... все, что он делал против нас, было из любви ко мне. Прости мне; без ведома твоего я писала к нему вчера и подтвердила вновь обещание принадлежать ему. Через неделю я буду его женой; ты должна меня благословить.

Виталина. Ты говоришь, как безумная. Что ж заставляет тебя решиться на эту жертву?

Гориславская. Все — отец, Леандровы, обстоятельства, которыми я тебя опутала, муки, на которые тебя обрекла... Пора положить конец!

Явление II

Те же и слуга.

Слуга. Леандров. *(При этом слове смертная бледность покрывает лицо Гориславской; она садится за рукоделье к другому дивану.)*

Виталина. Проси. *(Слуга хочет идти и оглядывается.)* С докладом? этого прежде не было. *(Вслух.)* Боюсь за тебя; ты на себя не похожа.

Гориславская. Ничего... Пройдет, и скоро.

Виталина. Что ж ты стоишь?

Слуга. Еще какой-то еврей пришел.

Гориславская *(в сторону).* Мой отец!.. *(Вслух.)* Веди его в мою комнату. *(Слуга уходит.)*

Явление III

Виталина, Гориславская и Леандров.

Гориславская (*про себя*). Славу Богу, еще не он.

Виталина (*подавая Леандрову руку*). Сколько дней не видались! Хорошо ли так забывать друзей?

Леандров. Что ж делать? Обстоятельства! Не мы, Господь управляет ими. Диковинные вещи творятся в свете! Вот, например, приехал сюда по просьбе сына, думал и то сделать, и другое, а вышло, как говорят нынешние, пуф! И теперь по просьбе ж сына еду в деревню.

Виталина (*чрезвычайно смущенная*). И скоро?

Леандров. Нынче, может быть, через час.

Виталина. Какая поспешность!.. Отчего ж ваш сын так скоро гонит вас отсюда?

Леандров. И он едет со мною. Признаюсь вам, пора, пора без оглядки из этой бестолковой Москвы! Здесь потеряешь совсем здоровье, рассудок. Обольщение, обман, личина на каждом шагу! Посмотришь на иное чудное творение: ангел во плоти, чудо в глазах, в зву-

ке голоса; смотря на нее, сам делаешься как-то лучше; прозакладывал бы жизнь свою, что и душа такая же... А спустись в нее... (*Останавливается.*)

Виталина (*с усмешкой*). Я за вас договорю:

...«Ужасный
Крокодил на дне лежит.»

Благодарим вас за лестное мнение о московских жительницах. Кажется, вы на крокодилов женского пола намекаете.

Леандров. Виноват, не умею прикидываться; такова моя несчастная деревенская натура.

Виталина. Да с вами нынче страшно, Петр Сергеич! Вы сделали не по летам каким-то Чацким, каким-то Чайльд-Гарольдом. Хоть мы и не можем принять на свой счет ваших сатирических выходов... ангелов в нашем доме нет, все простые и очень простые смертные, непохожие на портрет, который вы так художнически рисовали... но, кто ведает? вы можете войти в более красноречивое, более наивное исступление, и нас, старых друзей, не пощадить. И потому скажу вам откровенно-

но: вы прекрасно делаете, что едете. Авошь деревенский воздух вам поможет.

Явление IV

Те же, Сергей Петрович и Ипполитов. Вошедшие раскланиваются.

Леандров. О, мы и здешним исцелены от многих душевных недугов! Да вот и моя молодежь пришла проститься с вами (*встает*) и вместе со мною поблагодарит вас и Наталью Ивановну за все ласки ваши, за дружбу.

Виталина. Не говорите о дружбе, Петр Сергеевич; это слово нынче, в устах ваших, горькая насмешка на нее.

Леандров. По крайней мере, не *мы* виною, что она так кончится.

Виталина. Настоящая дружба не обвиняет слепо, без сильных доказательств, без оправдания.

Леандров. Есть проступки, для которых лучше не спрашивать оправданий: свидетельство глаз не обманывает.

Виталина. Странные загадки?

Леандров. В вашем доме все тайны.

Виталина. Есть только одна, семейная тайна; она не мне принадлежит, и потому для меня священна. Впрочем, на расставанье, за себя и Наташу, искренно прощаем вам обидные намеки; вы когда-нибудь в них горько раскаетесь:

Сергей Петрович (*Ипполитову, тихо*). Хотел бы говорить, хотел бы излить всю горечь негодования, но... посмотри на нее... как она переменялась в два дня! Это было бы душегубство.

Виталина (*Ипполитову*). И вы нам изменили, monsieur Ипполитов. Жаль, очень жаль; я несколько раз посылала за вами, мне была до вас крайняя нужда по одному важному делу.

Ипполитов. Извините, такой ветренник, как я, худой поверенный в важных делах. Вообразите, чем я занимался все эти дни,—должностью хромоногого беса: странствовал по Москве из угла в угол, лазил по чердакам, заглядывал в самые глухие закоулки...

Виталина. Наша и, кажется, ваша Москва, на которую нападают с таким ожесточением со времен Чацкого до Петра Сергеевича Леandroва, конечно, доставила и вашему остро-

умию богатые запасы.

Ишполитов. Преинтересные.

Виталина. Например?

Ишполитов. Например, вчера мы с Сер-жем...

Виталина. И он провожал вас в этих бесовских набегах?

Сергей Петрович. Поневоле; от них зави-села участь моей жизни.

Виталина. Вашей жизни!.. Странно!.. Это, в самом, деле, интересно. Что ж вы нашли?

Ишполитов. В Черством переулке, близ Су-харевой башни, в мизерном доме, помнится, мещанки Соковой (*Гориславская содрогает-ся*), совершаются такие элевзинские таин-ства, что страшно нам стало.

Виталина (*Сергею Петровичу*). А вы... что скажете?

Сергей Петрович. Я нашел в этом убогом доме гроб моих надежд, счастья целой моей жизни и любви моей, думал я; но, придя сюда, уверился, что это чувство, несмотря ни на ка-кие свидетельства, умрет со мною. (*В глубо-кой горести со слезами на глазах бросается к руке Виталиной.*) Прощайте, Софья Андреев-

на, прощайте; я не думал так скоро расставаться с вами, и навсегда! (*Кланяется Гориславской и уходит. Гориславская плачет закрыв глаза платком; Ипполитов раскланивается с Виталиной и Гориславской и печальный уходит вслед за Сергеем Петровичем.*)

Леандров (*подходит к Гориславской*). Ради Бога, одно слово...

Гориславская. Что вам угодно, сударь?

Леандров. Простите смелости моей: от вашего ответа зависит участь моего сына, следовательно и моя. Скажите мне откровенно: были вы вчера с молодым Мухоморовым в этом доме?

Гориславская. Была.

Леандров. Зачем?

Гориславская. Это моя тайна; но... вы должны узнать ее сейчас. Пора! Воротите вашего сына и Ипполитова: наказание мое должно быть полное — я одна виновата.

Леандров. Нет, не верю, вы не можете быть виноваты. Тут должно быть что-нибудь другое. На старости лет мне бы следовало быть рассудительнее этих пылких молодых людей, а я совсем обезумел. Да, ворочу их обо-

их, чтоб они выпросили прощение у ног ваших. *(Уходит.)*

Виталина. Что ж хочешь теперь делать?

Гориславская. То, что я должна была сделать давно. *(Выходит в боковую дверь и тотчас возвращается, ведя за руку Соломона; из средней двери в то же время входят Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов.)*

Явление V

Виталина, Гориславская, Леандров, Сергей Петрович, Ипполитов и Соломон.

Гориславская *(указывая на отца)*. Вот он, мой возлюбленный... у него была я вчера.

Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов. Еврей?!

Соломон. Еврей Соломон... на днях приехал из Белостока. Не стыдитесь меня, господа, не презирайте меня, завтра ж я буду христианином, и тогда, может быть, вы протянете мне руку, как брату своему. Да, я возлюбленный *ее* от рождения, по крови: я — *ее* отец!

Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов. Отец?..

Леандров (*про себя*). Отец еврей?.. Я этого не ожидал... но, видно, так судьбе угодно...

Соломон. Я разгадал для вас трудную, может быть и грустную загадку; я сделал все, что дочери было угодно... Теперь решайте без меня (*Уходит в боковую дверь.*)

Гориславская. Никто не знал квартиры моего отца, кроме Мухоморова-сына; он не хотел мне сказать об ней и взялся проводить меня. Злодеи действовали так искусно!

Виталина. Теперь вы поймете тайну, которую шептал ей негодяй Парфеныч у меня на даче; вы поймете, каким влиянием достойный сынок опутал бедную жертву свою на вечере у Гусыниных, вы поймете сборы в пользу семейства бедного жида. Винюсь тоже перед вами: Натали записана у меня дочерью чиновника, а между тем... вы теперь знаете... и можете судить об остальном.

Ипполитов (*в сторону*). Господи! какое сплетение обстоятельств! какие страдания должна она была вытерпеть!

Сергей Петрович, закрыв глаза рукою, плачет; изумление, смущение и грусть изображаются на лице Леандрова.

Леандров. Сережа, что ты скажешь на это? Чем искупим ужасное зло, которое сделали Наталье Ивановне? Чем загладим оскорбление?

Сергей Петрович. Счастьем моим, батюшка, если Наталье Ивановне угодно будет простить нас и подарить меня этим счастьем. (*Гориславской.*) У ног ваших умоляю вас об нем.

Гориславская. Подумали ль, что скажет свет? Ручаетесь ли за будущее?

Сергей Петрович. Любовь моя выше всех предрассудков, я говорил это всегда, я и теперь это повторяю.

Гориславская. И вы, Петр Сергеич, не стыдились бы?..

Леандров (*взявши ее за руку*). Э, Наталья Ивановна, что нам нужды до того, кто ваш отец? Нам вы нужны, вы с вашей прекрасной душой, с вашим образованием. Что скажет свет? Да я и знать его теперь не хочу, я на пересуды его плевать хочу, счастье моего сына дороже мне всего. Не нам чета женились — да еще на каких, что вашего ноготка не стоят. Если хотите, мы помиримся и с предрассудками: дадим отцу вашему богатый капитал и за-

пишем его в купцы — хоть первой гильдии. Он поедет в Одессу, в Таганрог, куда ему вздумается. Вот и вся недолга!

Гориславская. Я забыла... Вчерашний вечер, спасая отца, желая избавить свою вторую мать от хлопот и страданий, я письменно обязалась Мухоморову выйти за его сына...

Исполитов. Позвольте... мое дело уладить это. Я был также участником в оскорблении Натальи Ивановны, и потому берусь получить назад это обязательство; клянусь в том честию своею. У меня есть тоже своего рода талисман; кстати, я получил его вчера из места служения нашего рыцаря.

Леандров (*Гориславской*). Вы еще колеблетесь... Хотите ли, чтобы я, старик, упал к ногам вашим? Голубушка моя, сердце ты мое, подумай, как мы далеко зашли... ни нам, ни тебе нельзя назад...

Гориславская. Если на это воля Господня, обнимите меня, как дочь вашу. (*Бросается на грудь Леандрова.*) Я люблю вашего сына и, уверенная в нем, отдаю ему руку вместе с сердцем своим. Ему одному принадлежало оно. (*Подает руку Сергею Петровичу, потом*

бросается обнимать Виталину.)

Виталина. Бог услышал мои молитвы: будь счастлива, милое, дорогое дитя мое!

Явление VI

Те же и слуга.

Слуга. Мухоморовы.

Ипполитов. А! на ловца и зверь бежит. С вашего позволения, Софья Андреевна, похозяйничаю с ними.

Виталина. Делайте, что хотите.

Ипполитов. Теперь попрошу вас всех, кроме батюшки, удалиться на время. *(Все, кроме Ипполитова и Леандрова, выходят в боковую дверь. Слуге.)* Зови.

Явление VII

Ипполитов, Леандров, Мухоморов и Павел Флегонтыч.

Мухоморов. Разве хозяйки нет дома?

Ипполитов. Она в тревоге... по неприятному для нее делу... и через вас... Я уполномочен поладить с вами... Прошу садиться. Мы покон-

чим скоро. Вы помните, Павел Флегонтыч, на чем мы остановились на вечере у Гусыниных?

Павел Флегонтыч. Вы требовали от меня удовлетворения за какие-то мнимые, оскорбительные наветы на одну известную особу. Угодно вам эту сатисфикацию, или останетесь довольны тою, которую я вам представил вчера? Кажется, я исполнил свое слово, как следует честному человеку; ожидаю также, что и вы...

Мухоморов (*перебивая его*). Что ты, Павел Флегонтыч?.. в уме ли?.. Сатисфакция была чистая, письменная; пожалуй, можно и на гербовую перенести.

Ипполитов. Будьте покойны, дуэли ни кровавой, ни чернильной не последует; ваш сын исполнил свое слово... хотя честь... но это к делу нейдет. Теперь я обязан с вами расквитаться. Но прежде удовлетворения с нашей, виноватой стороны, позвольте спросить вас, почтеннейший Флегонтыч, как известного юриста и знаменитого адвоката... (*Тихо Мухоморову.*) Скажу вам по секрету, мы знаем все о Гориславской: и происхождение ее, и за что ее

выдавали...

Мухоморов (*испугавшись*). Вы?.. каким образом?

Ипполитов (*тихо Мухоморову*). Тише. Ответ, который вы мне дадите, нужен, чтобы разом отбить от нее моих приятелей... отцу хочется развязаться... вы это сейчас поймете... (*Громко.*) Позвольте же мне спросить вас, что ожидает того, кто присвоит себе непринадлежащее ему право состояния или звания... положим, чин (*взглядывает на Павла Флегонтыча*) и тому подобное? (*Павел Флегонтыч бледнеет.*) Павел Флегонтыч, вы слышали?

Павел Флегонтыч (*чрезвычайно смущенный*). Да... слышал... как же...

Мухоморов (*тихо сыну*). Будь покоен насчет невесты. Это нужно для повершения... (*Ипполитову.*) Того ожидает, батюшка, дальний путь в снежные края... вы меня понимаете.

Ипполитов (*кивая Мухоморову*). Несмотря ни на какое лицо?

Мухоморов. Не взыщите, хотя бы знатный барин или знатная барыня, покатит мой голубчик или моя голубушка на собачках... ха,

ха, ха! *(Пожимаетруку Ипполитову.)*

Ипполитов. Так-таки покатит? Хоть бы ездил на четверке серых в яблоках?

Мухоморов. Хоть бы на четверке!.. Зато запрягут там шестерку разношерстную: и пегеньких, и буреньких, и рыжих, какие придутся. Говорят, мчат, как вихорь, по снежным сугробам, высунув язык, а кучер, вместо плети, какой-то вилой погоняет; только слышно в снежной степи, как говорят бубенчики.

Леандров. Ха, ха, ха! Веселая поездка!.. Нет ли наказания полегче?

Мухоморов. Ну, смотря по обстоятельствам, уменьшающим вину: женщину отошлют в рабочий дом.

Леандров. А молодца?

Мухоморов. Коли выйдет в меру, поставят в рекрутский прием да забреют лоб.

Ипполитов *(Павлу Флегонтычу).* Поправьте, господин рыцарь, свой тупей[6].

Павел Флегонтыч *(вскакивая со стула).* Что вы хотите этим сказать, сударь?

Ипполитов *(подавая ему письмо).* А вот что! Прочтите это письмо. *(Павел Флегонтыч не берет его.)* Вы должны его прочесть, или,

вы слышали от отца, юриста, что ожидает вас. *(Павел Флегонтыч берет письмо и читает.)* Рука вашего начальника отделения должна быть вам знакома. *(Мухоморову.)* Посмотрите, как он бледнеет, как дрожат его руки! Так бледнела несчастная Гориславская, так дрожали у ней руки, когда презренный отпущенник шептал ей на ухо тайну, которою он владел — тайну своей благодетельницы...

Мухоморов *(встав)*. Что это все значит?

Ишполитов. Прочтите ответ на лице вашего сына. *(Павел Флегонтыч, прочитав письмо, стоит, как бы пораженный громом.)* В таком положении был мой друг, когда презренный сын этого отпущенника показал на вечере у Гусыниных страшные, изумительные опыты своего влияния на бедную жертву свою, когда она, бледная, трепещущая от одного слова, пала без чувств! Теперь и моя очередь пришла сказать одно слово; посмотрим, на чьей стороне будет смех. *(Указывая на Павла Флегонтыча.)* Самозванец.

Мухоморов *(в сторону)*. На беду, окаянный подписался коллежским под двумя акта-

ми. Надо просить пощады... *(Падая на колени.)*
Пощадите, отец родной! Пощадите, батюшка,
Петр Сергеевич!

Ипполитов. Встаньте; вы все-таки носите образ человеческий. Да, я пощажу в нем дом, где он воспитывался, место, где он служил... но с уговором, сейчас, сию минуту, возвратить мне обязательство Гориславской. *(Павел Флегонтыч вынимает из кармана бумагу и отдает ее отцу, а этот передает Ипполитову.)* Оно!.. И чтобы через два часа этого молодца не было в Москве, и чтоб никогда не было помину о правах на Гориславскую и семейной тайне ее!.. В противном случае она найдет во мне адвоката, который не помирится иначе, как по статьям закона; свидетелей я найду десятки. Теперь мы расквитались. *(Указывает на дверь; Мухоморовы спешат удалиться.)*

Леандров *(отворя боковую дверь).* Finita la comedia; прошу войти.

Явление VIII

Входят Виталина, Гориславская и Сергей Петрович.

Виталина (подавая записку *Ипполитову*). Извините, выход на сцену одной героини нашей драмы нужен был для окончания ее. Прочтите это послание.

Ипполитов (читает записку). Медовицына... я отгадал! Она бежала из вашего дома, на коленях просит у вас прощения во всех ее гнусных поступках. Негодяйка! была с ними в заговоре.

Леандров. За нас был Тот, Кого люди не могут обмануть. А как не сказать, однако ж: вся беда была от стыда. Без того мы давно бы все покончили.

Примечания

1

billet doux — любовное послание (*фр.*)

[^^^]

2

O temps! o mœurs! — O времена! о нравы (*фр.*)

[^^^]

3

Femme émancipée — эмансипированная женщина (*фр.*)

[^^^]

4

Wladimir, donnez quelque chose — Владимир,
надо что-нибудь дать (*фр.*)

[^^^]

5

Mon Dieu, une monnaie, un billet... ce que tu veux, pour un malheureux juif et deux pauvres enfans — Боже мой, мелочь, банкноту... что можете для несчастного еврея и двух бедных детей (*фр.*)

[^^^]

6

Тупей (*фр. to(u)p* — прядь волос) — старинная мужская прическа.

[^^^]